

ПАРАДОКС «ИЛИАДЫ»: ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГОМЕРА

С. П. ШЕВЦОВ

Одесский национальный университет (Украина)
sergiishevtsov@gmail.com

SERGEY SHEVTSOV

Odessa National University (Ukraine)

THE *ILLIAD* PARADOX: A LOOK AT HOMER'S PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS

ABSTRACT. The objective of the article is to demonstrate the paradox of the spread of the Homeric epics: having been created by the descendants of the Achaeans in exile three or four centuries after the Trojan war, they became widespread among all of the Greek-speaking world, i.e. mostly among those who destroyed the Achaean civilization forcing the heroes' descendants into exile. The author poses a question: why do the Greek tribes, who have driven the Achaeans out and took their territory, accept a story of the Achaeans' great past as their own? To answer this, the article suggests a hypothesis that on a profound level the *Iliad* contains a philosophical idea of the world unity. This idea is not terminologically defined in the epics, however, it is presented as a philosophy-of-law concept of responsibility for one's own decision (free will). This answer is based on analysis of the long similes in *Iliad* and the instances of interrelation of gods and men and the decisions made by the former and the latter out of their free will.

KEYWORDS: *Iliad*, oral poetry, neoanalysis, long similes, free will, philosophy of Homer, law, concept of responsibility.

Осознание, что писать о Гомере невозможно – одно из свидетельств профессионального взросления студентов-филологов. Около ста лет назад первенство по вопросу об отношении Гомера к реальной истории перешло к археологам, филологам же осталась роль помощников в идентификации и

осмыслении находок; позже им почти удалось уравнивать ситуацию за счет расшифровки Майклом Вентрисом линейного письма Б, выдающегося успеха теории «устной поэзии (oral poetry)» Милмена Пэрри и Альберта Лорда, а также достижений неоанализа в отношении поэм Гомера и поэм эпического цикла (κύκλος). Философии не осталось места на этом поле длящегося сражения. Тем более удивительно обнаружить тему, практически вовсе не тронутую. Речь пойдет о парадоксе распространения гомеровских поэм, но поскольку в этой области одна тема неизбежно затрагивает другую, нам не удастся ограничиться только одной проблемой. Все же в центре данной работы будет оставаться констатация лишь одной детали, объем статьи не позволит уделить внимание всем связанным сторонам.

Для нашего исследования придется приоткрыть панораму научных споров вокруг проблемы отношения поэмы к исторической действительности, чему будет посвящена первая часть статьи. В ней мы ограничимся лишь кратким пересказом существующего на сегодняшний день положения вещей.¹

I

Хотя существуют ученые, выражающие сомнение в том, действительно ли город, раскопанный Шлиманом, был Троей, и есть даже те, кто сомневается, что война, описанная Гомером, имела место,² все же сторонники ее историчности составляют большинство. Но признание Троянской войны реальностью породило новые проблемы. Во-первых, отсутствует единство относительно того, какой именно из городов, наслоенных друг на друга на холме Гиссарлык, был Троей Гомера. Археологические данные однозначного ответа не дают. В. Демперфельд, сотрудник и наследник Шлимана по раскопкам Трои, считал гомеровской так называемую Трою VIh – большой красивый город, некоторыми чертами действительно соответствующий описанному в «Илиаде». К. Блеген, проводивший раскопки на этом месте в 30-е годы, установил, что Троя VIh погибла в результате землетрясения, в то время как очевидные следы захвата и пожара относились к следующему уровню – Трою VIIa. Но этот город никак не соответствовал описанию Гомера, – бедный, стесненный, устроенный на сохранившихся от предыдущего

¹ Предварительно стоит указать, как это принято в работах последних лет, что под «Гомером» я подразумеваю автора дошедшей до нас «Илиады».

² Историческую достоверность Троянской войны отрицали М. И. Финли (Finley 1964; Finley 1968; Finley 1970), А. Хойбек (Heubeck 1961), К. Ниландер (Nylander 1963), Ф. Хампл (Hampl 1962) и ряд других исследователей.

слоя конструкция и приспособивший их для своих нужд. Но все же Блеген считал Троей Приама именно его.³ Вопрос о том, какую же Троию захватили ахейцы, и сегодня не находит единого решения у исследователей.⁴

Другая проблема относится к возможности объединения ахейцев в единое войско под общим командованием царя Микен (Агамемнона). Существование ахейских архаических царств, упомянутых у Гомера, – Микен, Пилоса, Тиринфа и других – сомнений не вызывает, их реальность засвидетельствована данными археологии: найденные сооружения так называемых дворцовых царств, глиняные таблички (прежде всего из Пилоса) с линейным письмом В, рассказавшие много о хозяйственной стороне жизни этих государств, наконец, свидетельства хеттов (по крайней мере 26 текстов на глиняных табличках), имевших тесные связи с государством(ами), которые они называли Ахийява. Но те же археологические данные свидетельствуют, что примерно на рубеже XII – XIII веков эти ахейские государства пережили вторжение племен с севера (традиция связывала их с известным из литературы и мифологии вторжением дорийцев),⁵ которые нанесли сокрушитель-

³ «Скученность вместе большого количества небольших домов в крепости и установка бесчисленных огромных емкостей для хранения запаса провизии – это факторы, которые предполагают подготовку к осаде, а финальное истребление было обычным сопровождением захвата, разграбления и сжигания древнего города. Общее согласие этих свидетельств со сведениями, сохраненными в греческой традиции, нельзя произвольно игнорировать: если Троя Приама, осажденная и захваченная Агамемноном, когда-либо существовала на самом деле, ее следует идентифицировать с поселением под названием VIIa» (Blegen 1975 (1964), 162–163). В книге указано, что оригинальная версия статьи, использованная для издания 1975 года, была написана К. Блегеном в 1964 г. (датировка важна, так как взгляд американского археолога менялся с течением времени).

⁴ «На данный момент у нас есть три основные возможности: 1) Троянская война состоялась во время Трои VIh; 2) Троянская война состоялась во время Трои VIIa; 3) Троянская война была процессом, а не событием, и отражает серию войн, происходивших в период с пятнадцатого по одиннадцатый век до нашей эры. К сожалению, мы пока не можем сделать выбор между этими вариантами с определенной претензией на знание» (Cline 2006, 54).

⁵ «Наиболее вероятное объяснение разрушений в конце Микенского IIIb на землях Пелопоннеса состоит в том, что они были результатом вторжений на юг дорийских греков, связанных традицией с возвращением» (Strubbings 1970, 247). Под термином «возвращение» Фрэнк Страббинг подразумевает возвращение дорийцев, возглавляемых родом Гераклидов, вытесненных ранее из Пелопоннеса Пелопидами (Агамемнон – Пелопид, потомок Пелоса). Теперь принято считать,

ный удар существованию этих государств. Даже там, где люди продолжали жить, вся хозяйственная организация была разрушена. (В Беотии из 26 раскопанных поселений уцелели после нашествия 4, в Арголиде – 10 из 27, в Лаконике – 7 из 39, в Мессении – 10 из 56. Микены пострадали, но были восстановлены, преемственность обитателей не прерывалась; Тиринф был опустошен и заселен вновь (Desborough 1964, 221 ff.; Snodgrass 2001 (1971), 57; Broneer 1966, 346 ff.; Buck 1969, 276 ff.; Mylonas 1966, 218 ff.; Blegen 1967, 27 ff.; Vermeule 1964, 270 ff., Lewartowsky 1989, 168 ff.). Этот период, исходя из стиля относящейся к нему керамики, принято называть позднеэлладским (Late Helladic – далее LH) IIIc (примерно с 1200 г. до н. э.).⁶ Долгое время (до конца 70-х годов прошлого века) предполагалось, что поход объединенных ахейцев мог случиться незадолго до вторжения северных племен (на этом настаивал К. Блеген).⁷

Эти и другие данные определяли примерную хронологию Троянской войны. Она привязана прежде всего к слоям Трои.⁸ К. Блеген считал, что она предшествовала началу периода позднемикенского IIIc по крайней мере на 10 лет (в Трое он не находил сосудов этого периода), и датировал разрушение Трои VIIa (которую он считал приамовской) ок. 1240 г., а позже сместил

что наряду с дорийцами, основную массу составляли негреческие племена, которые позже вернулись на север.

⁶ У исследователей нет единства относительно абсолютной датировки LH III C: от 1230-х (Furmark 1941, 115) – до начала XII в. до н.э. (Hammond 1975, 708).

⁷ «В любом случае экспедиция против Трои, безусловно, должна была проводиться примерно в середине керамической фазы III b, когда микенская Греция находилась на вершине своего богатства, а также своей политической и военной мощи» (Blegen 1975 (1964), 163).

⁸ «Датирование перехода от микенского IIIb к IIIc действительно имеет большое значение, поскольку на основе микенской керамики IIIb, «датируется» взятие Трои VIIa, а также уничтожение ряда микенских городов на Пелопоннесе, в том числе дворца Пилоса и внутривозвешенных зданий самих Микен» (Strubbings 1970, 246). «Археологические исследования показали, что это событие имело место в то время, когда импортная керамика в стиле микенской IIIb использовалась в этом месте, хотя стиль IIIa еще не полностью исчез. Стиль микенский IIIc еще неизвестен. Эти наблюдения дают правдоподобную фиксированную точку в последовательности керамических стилей, но превратить ее в конкретный год – это другой вопрос, по которому нет согласия среди специалистов» (Blegen, 1975 (1964), 163). Блеген здесь характеризует стиль керамики термином Мусенаеан («микенский»), но эта та же периодизация, что и названная выше «позднеэлладской» Late Helladic (LH).

дату до 1250 г. до н.э.⁹ Такой взгляд, согласно которому взятие Трои предшествовало началу периода LH IIIc, принял ряд ученых, хотя их абсолютные датировки различались: от 1230-х гг. до 1190 г. до н.э. Но выдающийся шведский специалист по греческой керамике А. Фурмарк еще в сороковые годы находил явные черты керамики периода LH IIIc в слое Трои VIIa, а позже, в шестидесятые годы, высказал мнение, что Троя должна была погибнуть после начала этого периода, т.е. не ранее 1230-х годов.¹⁰ Если принять его наблюдения, то получалось, что ахейцы отправились под Трою после вторжения северных племен и после разорения своих дворцовых царств. Хотя большинство исследователей принимало аргументацию А. Фурмарка, одна лишь Э. Вермель высказалась в пользу возможности объединенного похода ахейцев после глобальной катастрофы (Vermeule 1964).¹¹ Другие историки отказывались принять такой вариант. Показательно, как колеблются в датировке Троянской войны авторы «Кембриджской истории древнего мира» (САН): в хронологической таблице ко второй части второго тома Ф. С. Стаббингс отнес ее к рубежу XII – XIII веков (1200 г.),¹² в первом томе того же издания он высказывался более осторожно.¹³ Для второго тома САН статьи о Трое этого периода (Трое VII) и о Микенском царстве написаны К. Блегеном, чья датировка (1250 г. до н.э.) оказывается близка приведенной у Геродота (за 800 лет до его «Истории» (II, 145)). Вычисление абсолютной хронологии в данном случае весьма сложный процесс, мы не будем его излагать, обстоятельно эта проблема рассмотрена в работах К. Роберта (Robert 1921–1926, III, 1288 ff.) и Дж. Милонаса (Mylonas 1964, 353). Отметим только, что основой вычисления хронологии выступает анализ керамических стилей и соотнесение их с египетскими датировками (исходя из того, что посуда одного стиля получала распространение примерно в одно время в разных ре-

⁹ «...падение Трои и конец поселения VIIa должно быть отнесено примерно к 1250 г. до н.э.» (Vlegen 1975 (1964), 163).

¹⁰ См. Гиндин, Цымбурский 1996, 135.

¹¹ В пользу такого развития событий приводят аргументы Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский. Согласно им, Троянская война не просто могла, но и должна была состояться только после разорения Пелопоннеса и как следствие этого (Гиндин, Цымбурский 1996, 140). Но поддержки этот взгляд не получил.

¹² Специально при этом оговаривая, что «даты даются веками и не должны считаться точными» (Strubbings 1975, 1044).

¹³ «Следовательно, даты для взятия Трои варьируются от 1270 до 1135, при среднем значении 1203 (*Marmor Parium* 1209). То, что было наиболее общепринято, – 1183 г. до н.э., дата, установленная александрийским ученым Эратосфеном в конце третьего века до н.э. – и имеющиеся в настоящее время археологические данные, по-видимому, довольно совместимы с такой цифрой» (Strubbings 1970, 246–247).

гионах). Таким образом, на сегодняшний день не удается найти баланс логических, археологических и литературных аргументов и свидетельств для датировки Троянской войны. «Несмотря на все это, около 1200 до н.э. по нашей хронологии, произошла Троянская война во всем ее великолепии и деталях» (Burkert 2015, 139).

Еще один вопрос, который следует затронуть в связи с нашим рассмотрением – переселение греков в Малую Азию. Это процесс начинается не позже чем в XI веке до н.э.; даже с учетом того, что миграционные процессы характерны для каждого периода греческой, римской и ближневосточной истории, данная экспансия, обозначаемая термином «греческая колонизация» (Greek colonization – sic! С. Ш.), рассматривается как уникальный феномен (Tsetschladze 2006, xxiii; Cook 1975, 773 ff.; Лаптева 2009, 19).¹⁴ Нас будет интересовать массовое переселение греков в Ионию и Эолию – процесс, воспетый в греческой лирике (Мимнерм fr. 12 (9) Diehl; Солон fr. 4a Diehl; Пиндар *Pyth.* I.66¹⁵), описанный историками (Геродот, VII, 176; Фукидид, I, 12) и нашедший свое подтверждение в данных современной археологии. Это переселение тоже рассматривается как следствие вторжения в Грецию северных племен,¹⁶ а вместе с ними дорийцев и беотийцев, и процесса вытеснения живших там ахейцев на острова Эгейского моря и на побережье Малой Азии. Вытеснение происходило постепенно, в несколько этапов, беженцы из Пелопоннеса находили себе приют и в других местах, в частности, в Аттике.¹⁷ Детальная хронология, последовательность перемещений

¹⁴ Н. Дж. Л. Хэммонд, рассматривая литературную традицию греческого расселения, указывает на миф (источники римского времени – Павсаний, Страбон), согласно которому дочь Тиресия, Манто, после взятия эпигонами Фив привела бежавших фиванцев в Колофон, а ее сын Мопс, родившийся там, повел их еще далее – в Памфилию. Мопс пришел к зрелости ко времени Троянской войны, то есть мы имеем дело с переселением по крайней мере XII века. (Hammond 1975, 679).

¹⁵ «Мы пришли с Пинда, мы завоевали Амиклы» было сказано и запомнилось в Спарте» (Burkert 2015, 139). В переводе М. Л. Гаспарова: «Встав из-под Пинда, В счастье своем держали они Амиклы...»

¹⁶ «Микенская хронология, если мы предполагаем дату ок. 1200 до н.э. для падения Трои, тогда выстраивается следующим образом: первая атака дорийцев ок. 1220 до н.э., миграция фессалийцев и беотийцев ок. 1140 г. до н.э., и дорийский захват Пелопоннеса ок. 1120 г. до н.э. Последняя дата соответствует замечанию Фукидида (V, 112, 2), что в 416 г. до н.э. Мелос был оккупирован в течение 700 лет дорийцами, то есть ок. 1116 до н.э.» (Hammond 1975, 690).

¹⁷ «Аттика лежала вне дорог всех вторжений. Поэтому она стала прибежищем для беженцев из микенских районов (Thuc. 1, 2, 6) и, таким образом, была усилена,

племен остаются предметами споров, но мало кто сомневается в связи событий: Троянская война – вторжение северных племен – разрушение Ахейских государств – миграция ахейцев.¹⁸ При этом первый элемент – Троянская война – вовсе не очевидно занимает хронологически первое место в этом ряду. Иногда греческую миграцию в Малую Азию связывают с Троянской войной таким образом, что заселение греками побережья Малой Азии было осуществлено греческими героями, возвращавшимися после взятия Трои (или обнаружившими, что возвращаться им некуда – история возвращения почти для всех героев носит трагические черты). Можно также предположить Троянскую войну как часть уже совершающегося переселения ахейцев.¹⁹

Эолия и Иония интересуют нас прежде всего, так как, по мнению большинства исследователей, именно на границе этих двух областей малоазийского расселения греков возникли поэмы Гомера. Рассмотрение процессов их образования осложняется давней загадкой: так называемыми «народами моря». «Современный термин “народы моря” происходит непосредственно от термина, используемого древними египтянами в качестве описания врагов, которые угрожали им двумя крупными нападениями ок. 1210 г. и ок. 1180 г. до н.э. Около 1210 фараон Мернептах рассказывает о своей победе в западной пустыне над ливийцами, которые привезли с собой в качестве со-

смогла остановить наступление сначала беотийцев, а затем дорийцев» (Hammond 1975, 703).

¹⁸ «Основная часть греческой мифологии в микенский период и позже была основана на делах и событиях великих семей. Например, «Орестея» Эсхила – историческая пьеса; Агамемнон провел десять лет в Трое, он был убит Клитемнестрой, их сын Орест, спасенный его няней, вернулся как взрослый человек, чтобы убить свою мать и так далее. Традиции лидеров эолийской и ионийской миграций относятся к одному и тому же циклу или типу легенд и первоначально требуют нашей веры. Хронология миграции происходит в основном из этих же традиций. Например, Тисамен, который выступал против дорийцев на Пелопоннесе, и Пентил, который вел первую группу эолийцев на фракийское побережье, были оба сыновьями Ореста, так что их деятельность попадает на одно поколение. Когда фессалийцы вторглись в Фессалию за двадцать лет до того, как дорийцы вторглись на Пелопоннес, и, поскольку нападение на Фессалию положило начало миграции эолийцев, мы можем датировать начало миграции примерно 1130 г. до н.э. (...) Кодр был царем Афин, когда дорийцы совершили нападение на Аттику и захватили территорию, которая позже называлась Мегарис; а его младшие сыновья Нелей и Андрокл возглавили первую волну ионийской миграции (F.Gr.H. 4F 125, Hellenicus, 3F 155, Pherecydes)» (Hammond 1975, 704–705).

¹⁹ Из этого исходила Вермель (Vermeule 1964).

юзников «шерден-людей, шеклеш-людей, акайваша-людей чужих земель моря... Акайваша иностранцев моря»» (Wood 1998, 174). До нападения на Египет в период 1200 – 1180 гг. до н.э. «народы моря» фактически уничтожили Арцаву (Лидию), Хеттское государство, Угарит и Аласию (Кипр). Сама по себе сложная проблема состава, движения и хронологии «народов моря» касается нашего рассмотрения лишь отчасти: до середины XX века «народы моря» связывались учеными с микенской цивилизацией, теперь эта связь вызывает дискуссии.²⁰ Народ «акайваша» - *jkwš, jqjwš, jkws* – отождествляли с хеттским термином для обозначения народа Аххийава, а этот, в свою очередь, с гомеровским Ἀχαιῶι (позже – Ἀχαιοί), ахейцами. Кроме того, дануны (*dnjn, tnj, dnj*) рассматривались как хеттские «дануны» и отождествлялись с гомеровскими данайцами (Δαναοί), хотя Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский считали их киликийскими дануитами (Гиндин, Цымбурский 1996, 163), а тереш (*trš, twryš, twrws*) обычно толкуются как обозначающие тирренов, хеттское имя – Таруйса, греческое – Τυρσηῶι, позднее стали известны как этрусски (отметим, что Таруйса – хеттское имя Трои и ее жителей, их связывает также предание об Энее); чаккаль или текер (*tjkr*) – тоже троянцы, а именно тевкры, греческое имя – Τεύχροι (Barnett 1975, 359–378; Wood 1998, 173–187).²¹ «Все, что коллективная память греков сохранила в связи с “народами моря”, связано с Троянской войной» (Гиндин, Цымбурский 1996, 155). Современные исследователи склонны считать большую часть «народов моря» негреческими народами, даже не индоевропейскими, жившими на западе и юго-западе Малой Азии, к которым лишь примкнули некоторые из греческих племен. Несомненно, однако, что на Египет они напали с севера, из района Эгейского моря. Глиняная табличка из Угарита (северная Сирия),

²⁰ Barnett 1975, 359–361; Wood 1998, 173–174.

²¹ Стоит отметить, что остальные «народы моря» тоже получили интересную интерпретацию: народ шардана (*šrdn*) толковался как сарды, впоследствии осевшие на Сардинии и давшие ей свое имя; пелесет (*plst, pršt*) – то ли пеласги, то ли греческий народ, называемый Библией Плиштим, что по-гречески передавалось как Φυλιστιμ, а в русской традиции – филистимляне, давший заселенной ими территории свое имя – Палестина; народ шакалеша (*šklš, sqrws, šqrsš*), вероятно, обозначал сикулов, часть которых в XIII веке прибыла на Сицилию и дала ей свое имя; мешуш (*mšwš*) по всей видимости обозначал фригийцев, по-гречески Μόσχοι; луки (*rk, l'kk, rwk*) – хеттское Лукка, греческое Λύκιοι, ликийцы (Barnett 1975, 359–378; Wood 1998, 173–187; Cline, O'Connor 2003). Различия в толкованиях во многом обусловлены тем фактом, что египетские иероглифические документы зависят от несовершенной системы озвучивания (вокализации) при записи иностранных имен.

сохранившаяся в печи и содержащая письмо царя о приближающейся катастрофе, также свидетельствуют об этом (Wood 1998, 178; Cline 2006, 19–22).

Могли ли «народы моря» оказаться частью миграционных процессов ахейцев, вытесненных из Пелопоннеса вторжением северян (или дорийцев)? Египетские документы не позволяют дать на это однозначный ответ, а в греческих текстах сам подобный термин отсутствует. Единственные случаи отражения в литературе нападения греков того времени на Египет – фальшивый рассказ Одиссея (Od. XVII.425–444) и рассказ Менелая (Od. IV.83–89, 351–586). Ложность первого не важна: ситуация вынуждает Одиссея к правдоподобному рассказу, другой вопрос, каково время его возникновения и включения в поэму. В любом случае нам следует учитывать расширение территории расселения греческих народов.

Здесь мы можем остановиться и подвести предварительные итоги обзора. Литературная традиция (от Гомера до поздних писателей – Павсания, Страбона) и археологические данные (прежде всего, анализ керамики) согласны в ряде существенных моментов относительно Троянской войны. Большинство ученых относят это событие к периоду между 1270 и 1180 гг. до н.э. Взятие Трои осуществили объединенные силы ахейцев (Гомер еще не знает термина «эллины» (Thuc. I 3, 3; Тронский 1973, 3; Гордезиани 1978, 172)) во главе которых стояли, вероятно, микенцы и их царь (согласно преданию – внук Пелопса Агамемнон²²). Примерно в этот же период (до войны или после) происходит вторжение северных племен (частично – негреческих), а также дорийцев, беотийцев и фессалийцев в центральную Грецию, а после – в Пелопоннес, что кладет конец существованию ранних государств Пелопоннеса. В Фокиде, Беотии, Коринфе, Арголиде происходят разрушения; не вызывает сомнений возникновение миграции в Аттику, на Крит и в восточное Средиземноморье. Возможно, часть изгнанных присоединилась к другим народам, образовав коалицию «народов моря» и двинулась на юг. Разрушения не всюду были тотальными, но Микены, Тиринф, Пилос, Фивы, Орхомен, Аракс и некоторые другие династические центры – самые крупные – были уничтожены.

Спустя недолгое время на восточном побережье Средиземного моря в Малой Азии возникают центры греческой цивилизации – сперва Эолия (к северу от реки Меандр) и позже Иония (союз двенадцати городов, к югу от той же реки). Последовавшие далее века – XI, X и IX долгое время обознача-

²² В хеттских табличках есть упоминание о царе *Akagamuṣaš* (Акагамунас), правившем *Ahhiyawa* (Аххиявой, «землей ахейцев») ок. XIV в. до н. э. (Ebeling, Meissner, Edzard 1999, 57).

лись как «темные»,²³ но теперь, с ростом археологических данных, исследователи выражают сомнение в уместности такого термина.²⁴ Этот же период получил название «Гомеровской эпохи», так как считалось, что мир, описанный в поэмах Гомера, это греческий мир обозначенного периода. Иония и Эолия занимают особое место в греческой истории и культуре – там родилась философия, но еще ранее, вероятнее всего, на границе этих областей сложились гомеровские поэмы.²⁵

Время и место их создания – проблема, которую изложить даже в общих чертах здесь нет возможности. Так называемый «Гомеровский вопрос» (включающий в себя на самом деле множество связанных между собой во-

²³ Об этом периоде есть классическая работа, построенная всецело на археологическом материале: Snodgrass 2001 (1971).

²⁴ Организаторы конференции «From *wanax* to *basileus*» в Университете Эдинбурга в 2003 году, Сигрид Дегер-Джалкотци и Ирена Лемос, характеризуют ее следующим образом: «Предмет конференции был выбран первым, потому что исследовательские интересы организаторов сосредоточены на столетиях между крахом микенских дворцовых государств (ок.1200 до н.э.) и началом архаического периода Древней Греции (ок. 700 до н.э.), которые до недавнего времени назывались “темными веками Греции”. Этот термин по-прежнему используется классическими археологами, историками античности и лингвистами, а также учеными из смежных областей, таких как Ближневосточные исследования и Европейская предыстория. Вторая причина для организации этой конференции заключалась в том, что многие значительные открытия, сделанные за последние десятилетия вместе с новыми подходами и интенсивными исследованиями по различным аспектам развития культуры, требуют нового и всеобъемлющего пересмотра этого периода. Очевидно, что новое состояние исследования сделало термин “темные века Греции” весьма сомнительным» (Deger-Jalkotzy, Lemos 2006, 1). Стоит ли добавлять, что за последовавшие пятнадцать лет количество археологического материала по данной эпохе еще возросло.

²⁵ В языке гомеровских поэм выделяли эолический, ионический и аттический диалект. Самым поздним и поверхностным признавался аттический. Переплетение эолического и ионического понималось по-разному: как результат пространственного смешения и как результат временного. Во втором случае эолический слой понимался как более древний, что побуждало исследователей в XIX веке попытаться вычленив эолийский наиболее древний вариант. Эти попытки окончились неудачей. Уже в XX веке было высказано предположение о наличии в текстах поэм элементов аркадо-кипрского диалекта, самого древнего, восходящего к микенскому. Это предположение получило поддержку после расшифровки глиняных табличек из Пилоса с линейным письмом Б. Но выделить части поэм на основе диалектных особенностей не удастся, поэтому исследователи предпочитают говорить об амальгаме диалектов. (Тронский 1973, 109–135; Kirk 1975, 828–830).

просов) все еще далек от своего разрешения, хотя утратил свою остроту (но не актуальность).²⁶ Несколько десятилетий параллельного существования теории «устной поэзии (oral poetry)» М. Пэрри и А. Лорда (получившей распространение главным образом среди англоязычных классических филологов) и неоанализа (разрабатываемой в основном континентальными исследователями) заставили забыть о старом противостоянии аналитиков и унитаристов.²⁷ Новые подходы не столько противоречили друг другу, сколько исходили из принципиально разных позиций;²⁸ только во втором поколении, но уже четверть века назад, наметилось их сближение, до сих пор остающееся проблематичным. Сложившаяся в гомеровских исследованиях ситуация в большей мере определяется методологическими подходами, чем материалом.

Первоначально теория устной поэзии рассматривала Гомера как устного поэта, всецело принадлежащего традиции, сложившейся задолго до него (Лорд 1994, 166), поскольку текст его поэм на 90 процентов состоит из формул (Ibid. 160), следовательно, поэмы бытовали в традиции, а не сочинялись Гомером (Ibid. 170), и сам он имеет косвенное отношение к тому, что сегодня называем «Илиадой» и «Одиссеей» мы – письменным текстам, записывать которые ему бы и в голову не пришло. По сути дела, термин «Гомер», согласно этой теории, переставал означать что-либо, кроме традиции.²⁹

Эта позиция была существенно смягчена последующим поколением оралистов. Р. Дженко на основе статистики диалектных форм в текстах Гомера предложил поместить время возникновения фиксированного текста «Илиады» между 750 и 725 гг., а «Одиссеи» – между 743 и 713 гг. до н.э. (Janke 1982, 70–93). Впоследствии, под влиянием исследования К. Й. Руэйга, отнесшего время создания устных поэм к IX веку до н.э. (Ruijgh 1993), он склонялся к более ранней датировке.³⁰ Но большой поддержки датировка К. Й. Руэйга не

²⁶ «Сегодня нет согласия в том, каким мог бы быть Гомеровский Вопрос. Нельзя также сказать, что какой-либо формулировка этого вопроса в прошлом была в самом деле приемлема» (Nagy 1992, 17).

²⁷ Занятно, что неоаналитики ближе унитаристам, в то время как оралисты во многом следуют старым аналитикам. М. Вуд не без оснований отметил, что теория Пэрри-Лорда может рассматриваться как возврат к идеям Вольфа (Wood 1998, 104). Страницы книги М. Вуда здесь и далее приводятся по электронному изданию книги.

²⁸ См. Kullmann 1984, 308.

²⁹ Поэтому оказалось важным уточнить, что имеет в виду тот или иной автор под понятиями «Гомер», «эпическая поэма», «Илиада» и «Одиссея».

³⁰ «...недавние аргументы К. Й. Руэйга и существование новой буквенной надписи из Габии датируемые ок. 800 г. до н. э., склоняют меня к тому, чтобы датировать

получила. Почти все исследователи согласны, что поэма преимущественно использует язык и реалии VIII века (явно более поздние формы могут быть объяснены как вставки), но в зависимости от исходных установок смещают датировку на более позднее время – с конца VIII века до середины VII века до н.э. (В. Кульманн, Г. Надь, Р. Гордезиани, М. Уэст, Э. Клейн, М. Вуд и др.). Надо учитывать, что речь идет исключительно об устном тексте поэм, то есть они должны были постоянно изменяться. Например, хотя Г. Надь говорит об окончательном оформлении текста поэм в VIII в. (Надь 2002, 26, 28), он признает, что их текст продолжал формироваться до 550 г. до н.э. и даже позже (Nagy 1992, 51).³¹ М. Йенсен считает, что запись была сделана еще позже, и при этом предполагает параллельное независимое существование письменного и устного вариантов (Jensen 2011, 244–245). Не ранее VII века датируют поэмы Ж.-П. Криелаард, М. Дики, Дж. Кирк и ряд других авторов.³² В противовес В. Пауэлл представил аргументы, что греческое письмо было создано специально для записи гомеровских поэм (основой этой гипотезы выступала уникальность записи гласных, иначе трудно объяснимая, учитывая опыт линейного письма Б и сохранявшийся характер финикийского написания букв). Согласно Пауэллу, гомеровские поэмы были записаны между 800 и 750 гг. до н.э. (Powell 1991, 219).

Для нас важно, что почти никто из исследователей не выражает сомнения в существовании «Илиады» в начале VII в. до н.э., хотя нужно признать правоту Дж. Кирка, когда он говорит, что ни одну дату нельзя принять для «Илиады» в качестве *terminus post quem* (Kirk 1975, 827).

эпосы еще ранее, чем предложенные мною 775–750 гг. до н.э. для *Илиады* и чуть позже для *Одиссеи*» (Jancko 1996).

³¹ Если говорить более точно, Грегори Надь предложил «эволюционную модель», все еще достаточно популярную среди американских ученых, которая в принципе допускает плавное формирование гомеровских эпосов до эллинистической эры (Nagy 1992; Nagy 1996a; Nagy 1996b). Критику этой теории Г. Нады см.: Finkelberg 2000; Currie 2016, 15–17.

³² Crielaard 1995; Dickie 1995, 51; Kirk 1975, 827. Речь идет об окончательном варианте (Гомере), первоначальная основа (сюжет в традиции) сложилась раньше. См., например, Дж. Кирк: «Формальным предметом поэм является ахейское нападение на Троию и его непосредственные последствия, которые мы относим к концу XIII века и близки к упадку ахейской культуры в целом. Тот монументальный состав поэм, которые мы знаем, или что-то подобное им, принадлежит полувек спустя.» (Kirk 1975, 821).

II

Уникальность «Илиады» для греческого мира и широта ее распространения содержат парадокс, заслуживающий внимания. Изложенные выше факты и мнения, давно утратившие научную новизну, представлены для очертаний удивительного горизонта, на котором возникла эта поэма. Если, как предполагает большинство ученых, «Илиада» появляется на границе ионического и эолического побережья Малой Азии (например, в Смирне или на Хиосе), то она возникает в районах расселения греков, перебравшихся туда с Балканского полуострова и Пелопоннеса. Это потомки тех ахейцев, о которых повествует поэма, только теперь они живут в качестве побежденных, изгнанных, утративших родину и проделавших долгий и трудный путь для освоения на новой земле. Поэма воспекает величие и славу их предков, былое могущество теперь навсегда утраченных государств. Не случайно даже в классическую эпоху V – IV веков греки не могли идентифицировать примерно треть поселений,³³ перечисленных в Каталоге кораблей – вероятно, древнейшей части «Илиады», восходящей к Микенской эпохе (Page 1958, 121–123; Wood 1998, 107; Kullmann 2012). Подобное прославление собственного былого величия понять можно. Можно понять популярность этой поэмы в Афинах, одном из центров ионийской миграции (Herod. I, 45; VIII, 73; Strab. 365, 383, 385–386), всегда поддерживавших с Ионией родственную связь. Атика, отстоявшая себя от вторжения, послужила укрытием для вытесненных нашествием обитателей Пелопоннеса. Но ведь «Илиада» получает распространение также в Спарте, в Арголиде, в Беотии, в Фессалии и в других регионах Греции, заселенных как раз потомками вторгнувшихся победителей. Победителей, изгнавших современников героев поэмы, их отцов или их детей – кого из них, в данном случае не так важно. Победители со временем начинают воспринимать поэму о былом величии тех, кого они победили, как живую составную часть собственной культуры. Это парадоксальный момент.³⁴

Почему и каким образом оказывается возможным столь странное переживание чужого прошлого как своего? VIII век – век «героического» или

³³ «Из перечисленных в каталоге 164 пунктов 96 удалось более или менее точно идентифицировать...» Гордезиани 1978, 171. См. также: Page 1958, 122; Kirk 1975, 836.

³⁴ Этот парадокс по другому поводу прекрасно представлен в одном из рассказов Борхеса: «Одно лишь поражает меня больше, чем поразительный ответ саксонского короля: то обстоятельство, что увековечил его слова исландец, человек, в жилах которого текла кровь побежденных». И чуть ниже: «Не тот день, когда произнес саксонский король свои слова, но тот, когда враг увековечил их, являет собой веху в истории» («Скромность истории», Борхес 1997, 2, 133).

«микенского ренессанса», период, когда греческая цивилизация обретает ту форму, в которой мы ее знаем,³⁵ но причины происходивших процессов остаются не ясны. В частности, возникает ли этот «ренессанс» благодаря Гомеру, или сами поэмы являются его продуктом (Snodgrass 1998, 68 ff.; Burkert 1995, 88 ff., Hägg 1983; Грант 1998, 61 ff.).

Здесь нужно внести два уточнения. Во-первых, с отказом от понятия «темные века» возникает вопрос, действительно ли восьмой век можно представлять водоразделом между древней цивилизацией и той, которую мы знаем как греческую. Полис, изменение системы хозяйства, социальные трансформации, новые формы религиозного культа, возникновение культа героев, формирование панэллинства и поэм Гомера – действительно ли они возникают, или только обретают знакомую нам форму, и что лежит в основе этих форм? Во-вторых, тезис о широком распространении поэм Гомера по всему греческому Средиземноморью, о его глубоком проникновении в систему мышления и поведения все чаще ставится под вопрос. Герман Бониц в своей речи 1860 года высказал очевидный для исследователей того времени факт: «С тех пор как письмо и чтение вошли как необходимые элементы в круг воспитания афинской молодежи, песни Гомера, особенно *Илиада*, составляли первый и непререкаемый предмет для обучения и для детских упражнений в заучивании наизусть и в декламации» (Бониц 1878, 2). Контрастом звучат слова современного исследователя: «Запись двух эпосов не затронула устной традиции. Лишь постепенно, с развитием школ и успехов обучения, эти два записанных эпоса получили преимущество перед устной традицией среди образованных, и для них “Гомер” стал поэтом этих двух поэм, тогда как для широкой публики “Гомер” сохранил смысл традиции эпического исполнения, идущей непосредственно из древности» (Jensen 2011, 280). Отметим, что саму запись поэм Мина Йенсен датирует 522 годом (Ibid. 244), а использование письменного текста Гомера только серединой V века до н.э., по сути, уже классической эпохой (Ibid. 273). Она пересматривает традиционное понимание: «Картины и другие иллюстрации сцен из Троянской войны показывают, что после написания эти две поэмы оставались неизвестными для широкой публики, и что источником знаний о

³⁵ «Именно тогда, наряду с феноменом полиса, города-государства, воплотившего в себе преемственность местных культовых, законодательных традиций и т.п., возникает и дополняющий его феномен панэллинства, получающий свое формальное выражение в таких общегреческих институтах, как Олимпийские игры, дельфийский оракул и, наконец, в самих гомеровских поэмах». Надь 2002, 26. Ср.: Snodgrass 2001 (1971), 421.

войне была общая мифологическая традиция, а не эти две поэмы» (Ibid. 247).³⁶

М. Йенсен выдвигает целый ряд спорных положений,³⁷ обосновывая их ссылками на работы об изображениях Троянской войны на вазах и полевыми исследованиями устной традиции. Она заходит так далеко, что вообще отрицает успех «Илиады» и «Одиссеи». ³⁸ Здесь нет возможности опровергать тезисы датской исследовательницы, они приведены только как одна из крайностей широкого спектра мнений. Но наличие самого спектра вынуждает обозначить нашу позицию: тексты поэм Гомера возникли в рамках устной традиции повествования о Троянской войне и Фиванском цикле, они были записаны достаточно рано и получили широкое распространение не позже последней четверти VIII века до н.э. (иначе трудно объяснить надпись на кубке, найденного на острове близ Италии и датированного ок. 735–20 гг. до н.э.³⁹). Эти поэмы достаточно рано связываются с именем Гомера (по крайней мере «Илиада») и становятся действительно универсальным ис-

³⁶ Стоит отметить, что автор книги занимает жесткую позицию теории «устной поэзии», и в основу кладет материал полевых исследований эпических традиций у разных народов.

³⁷ Один из примеров: «Когда на празднике Великих Панафиней рапсоды исполняли Гомера, мы должны понимать “Гомера” как любую поэму Гомера, а не *Илиаду* или *Одиссею*» (Jensen 2011, 178).

³⁸ «Когда Надь пытается установить, что послужило причиной их успеха по сравнению с другими устными эпосами, он задает неправильный вопрос. Нет ничего, чтобы предположить этот успех. Панэллизм не стимулировал создание двух эпосов и не способствовал их распространению. То, что мы нашли, задокументировано на грекоязычных территориях самыми старыми из сохранившихся надписей второй половины VIII в. до н. э., это не *Илиада* и *Одиссея*, а общая гомеровская традиция рассказывать истории в гекзаметрах» (Jensen 2011, 246).

³⁹ См. Гордезиани 1978, 230; Грант 1998, 485, прим. 35; Зайцев 1990, 410. Р. В. Гордезиани сомневается в наличии связи этой надписи с «Илиадой» (XI.632–637). При всем уважении к его мнению, трудно не согласиться с П. А. Хансеном: «...особое и тщательно продуманное указание, высказанное на языке эпоса о чаше, как принадлежащей именно Нестору, человеком, который ничего не знал об эпическом Несторе и его чаше, было бы таким невероятным совпадением, что я несколько озадачен, как его можно было бы предложить всерьез» (цит. по: Powell 1991, 208). И сам Пауэлл: «Если мы отказываем создателям надписи в знании *Илиады* Гомера, мы должны предположить, что их знание об эпическом Несторе и его чаше были получены от поэта, совершенно неизвестного нам, который разделял, однако, ту же традицию, что и Гомер. Я нахожу такой взгляд неубедительным; он не может учитывать тонкий юмор в описании Гомером кубка Нестора (II. 11.632). Тонкий юмор не является традиционным, но принадлежит отдельному певцу» (208–209).

точником знаний по географии, этнографии, астрономии, медицине и многим другим областям (Plat. Ion 531b–532b; Strab. I 1, 2; Paus. IV 28, 4; Webster 1958, 284–298; Гордезиани 1978, 161). Приписывание тому же автору и других поэм означает лишь полное неумение греков того времени вычленить и осознать эстетическую сторону произведений, из чего не следует их неспособность ее воспринимать. Скорее напротив, способность уловить удивительную поэтику «Илиады» («Одиссея» требует отдельного рассмотрения) позволила ей приобрести популярность. Интерес к Гомеру как личности формируется позже, и представляет собой независимый феномен, замечательно раскрытый Б. Грациози (Graziosi 2002), но сама личность выделилась из традиции намного ранее, что только и может объяснить высказывания философов Ксенофана (В 10, В 11, В 12, В 13 DK) и Гераклита (Леб. 16, 21, 28^b, 30⁴⁰),⁴¹ содержащих явное критическое отношение к коллеге, а не безличной традиции. То же можно сказать и о Платоне, возможно, первым разделившим Гомера на две стороны: Гомера-поэта, чьи достоинства признавал в диалогах Сократ, и Гомера-философа (учителя морали и автора определенной картины мира), для произведений которого не находилось места в идеальном государстве (Resp. 376a–383a, 595a–601b).

Даже с учетом того, что вазопись действительно больше ориентируется на троянский цикл как таковой, чем на отдельную «Илиаду», а о сценах Троянской войны, помещенных на метопах северной стороны Парфенона в Афинах, мы с определенностью сказать ничего не можем из-за их плохой сохранности, свидетельств Ксенофана, Гераклита, Геродота, кажется достаточно для подтверждения глубокого проникновения поэмы Гомера в греческое общество (если ограничить свидетельства V веком до н.э.). Настоящая проблема в том, что они ничуть не приближают нас к пониманию причин такого эффекта, а соответственно, основанию отмеченного парадокса. Традиционное объяснение поэтическим совершенством гомеровского эпоса вызывает сомнение, так как эстетическое восприятие греков отличалось от нашего, а чисто эстетическая оценка им была чужда (Йегер 2001, 65). В тех случаях, когда поэзия становилась предметом рефлексии, в таком суждении превалировала непосредственно точность изображения,⁴² что характерно даже для Платона.⁴³ Можно предположить, что теоретическое выражение

⁴⁰ DK 40, 56, 80, 42.

⁴¹ Высказывания относят к концу VI века до н.э., предполагая приблизительную временную дистанцию между ними около 20 лет. Самая ранняя из биографий Гомера приписываемая Геродоту, относится к середине V века до н.э.

⁴² Так Одиссей хвалит Демодока за точность (Od.VIII.487–490).

⁴³ Что и делает его оценку Гомера двойственной.

эстетического чувства у греков значительно уступало эстетическому восприятию, но и с учетом этого роль эпоса в греческой культуре вызывает удивление. Даже если принять, что Гомер и Гесиод выстроили (выразили?) систему ценностей, общую для всех греков, как утверждают некоторые исследователи,⁴⁴ современный уровень техники анализа текстов не позволяет, как видим, извлечь эту систему с приемлемой точностью.

Отмеченный выше парадокс как раз ставит проблему о связи «Илиады» с феноменом панэллинства. Мне представляется, что он может быть раскрыт через анализ присущих поэме качеств, но строится такой анализ должен на более широком основании, нежели история, филология и эстетика. Я намереваюсь продемонстрировать это посредством анализа двух сторон «Илиады», хорошо известных и подробно описанных, но представленных в совершенно ином ракурсе.

Первая из сторон, о которых пойдет речь, это так называемые длинные сравнения. Метафоры и сопоставления присущи любой поэзии, в том числе эпическим традициям, но длинные сравнения Гомера – особые (Bowra 1952, 266–267; Webster 1958, 224–226; Edwards 1991, 25). Их принято отличать от коротких по наличию глагола (Coffey 1957, 322) в средстве⁴⁵ описания, и они рассматриваются как характерная и уникальная черта (Bowra 1952, 268 ff.; Coffey 1957, 324; Webster 1958, 224 ff.; Edwards 1991, 24) гомеровской поэзии. Изучение их восходит к античности, на сегодняшний день существуют несколько каталогов⁴⁶ и разные типы классификации. Почти каждому длинному сравнению «Илиады» посвящена статья или глава в книге. Евстафий назвал сравнения Гомера одной из ἡδύσματα поэзии,⁴⁷ он же перечислил четыре их функции, вероятно, суммируя античных комментаторов: αὔξησις, ἐνέργεια, σαφήνεια, ποικιλία (Basset 1921, 133), то есть, усилить повествование за счет деталей, сделать его более живым, придать ясность и устранить моно-

⁴⁴ См., например, Надь 2002, 66.

⁴⁵ В 1936 году А. А. Ричардс предложил в отношении метафоры терминологически разделять то, что сравнивается, от того, с чем сравнивается, обозначив их соответственно как *tenor* (тенор, содержание) и *vehicle* (средство) (Richards 1965, 96), традиционная риторика добавила к этому связующий элемент для сравнений – *prosthesis* (протезис), сравнительный союз «как», «словно» и т.п. Это разделение удобнее, чем предложенное О. М. Фрейденберг: сравниваемая и сравнивающая части (Фрейденберг 1946, 101).

⁴⁶ Green 1877; Lee 1964; Scott 1974, 190–205; Ziolkowski, Farber and Sullivan 2015.

⁴⁷ Евстафий Фессалоникийский (Солунский) (ок. 115 – ок. 1195 гг.), архиепископ, византийский историк и писатель, автор комментария к Гомеру «Παρεκβολαὶ εἰς τὴν Ὀμήρου Ἰλιάδα καὶ Ὀδύσειαν». См. Van Der Valk 1963–64.

тонность.⁴⁸ За последние полтора столетия удалось установить: 1) сравнения у Гомера в основном относятся к боевым действиям и сопоставляются с миром природы и мирным трудом (состояния моря и природные явления, поведение животных, хищников и их жертв, процессы труда, например, жатвы и т.д.); 2) сравниваются не предметы, а процессы – действия и состояния,⁴⁹ 3) средства в сравнениях относятся ко времени намного позже Троянской войны, вероятно, современному создателю поэмы и его аудитории, природа и быт соответствуют северной части малоазийского побережья, то есть Эолии и Ионии.⁵⁰ Было высказано предположение, что язык сравнений содержит меньше архаизмов и потому является позднейшей вставкой (Shipp 1972), но против было высказано ряд существенных возражений – как лингвистических, так и основанных на анализе отношения сравнений к общей структуре повествования (Moulton 1974). Была проделана огромная работа по общей типологии, грамматической и функциональной структуре, анализу отдельных сравнений. Многие выводы остаются предметом споров,⁵¹ особенно относительно устной или письменной природы длинных сравнений, но большинство сходятся на том, что соответствие между содержанием и средством является многоаспектным и сложным,⁵² выделить единую функцию для каждого затруднительно, если вообще возможно.

⁴⁸ Эти же функции перечисляет М. Эдвардс в комментарии к «Иллиаде», подводя итог многолетним исследованиям: «Ученые считают, что сравнения вносят αὔξησις (полноту), ἐνάργεια (живость), σαφήνεια (ясность), ποικιλία (разнообразие) и κόσμος (украшение)» (Edwards 1991, 38). Названную последней κόσμος можно считать вариантом ἡδύσματα Евстафия. В более поздней работе У. К. Скотта (Scott 2009), новых функций автору выявить не удалось.

⁴⁹ «...первичная функция гомеровского сравнения, взятого непосредственно в контексте, состоит в том, чтобы проиллюстрировать либо конкретное действие в повествовании, либо серию действий, создающих ситуацию, при которой абстрактные качества важны в большей или меньшей степени» (Coffey 1957, 334).

⁵⁰ Hainsworth 1993, 58, комментарий к IX.5 со ссылками на II.423 ff. и IV.422 ff.

⁵¹ «Итоговые значения, приведенные для сравнений современными комментаторами, различаются в зависимости от принятого определения и трактовки множества обстоятельств» (Edwards 1991, 24).

⁵² «Даже поверхностный анализ сравнений, взятых из сферы неорганической природы – и это в равной степени относится к любой другой группе сравнений с соответствующим предметом – обнаруживает факт, который сам по себе опровергает все теории ограниченного значения сравнений, сравнения по единому пункту» (Fränkel 1999 (1921), 301). С этим согласны Bassett 1921, 133 ff.; Coffey 1957, 323 ff., Scott 2009, 10.

Каждое из длинных сравнений – шедевр, в каждом автору удается не просто провести параллель, но представить целостную картину.⁵³ Сравнивая сошедшихся противников со слиянием в долине двух горных рек (IV.452–456), сходящихся воинов со жнецами на жатве (XI.67–70), боль Агамемнона от раны с муками роженицы (XI.269–272), трепет сердец данайцев перед нападением Гектора с трепетом корабельщиков при накрытии судна волной (XV.624–629), мирмидонцев, идущих за Патроклом, с волками, убивающими оленя, а потом утоляющими жажду, чьи сердца бесстрашны, а желудки наполнены (XVI.155–164), бой с раздуваемым ветром пожаром (XVII.736–739) и т.д., Гомер выдерживает четкую линию, ставящую в тупик ранних исследователей. Почему он сравнивает совсем уж несхожие предметы и столь нагружает этими сравнениями текст?⁵⁴ В этих сравнениях с необыкновенной полнотой раскрывается индивидуальное начало автора, особенно заметное при соотнесении с редкими примерами сравнений в других эпических поэмах.⁵⁵

Странность сопоставляемых Гомером объектов указывает на то, что сравниваются вовсе не предметы, и даже не процессы, но сравнение лежит на более глубоком уровне,⁵⁶ где собственно уже перестает быть сравнением. Гомер стремится показать тождество природы различных по своему внешнему виду процессов, некое единое основание, лежащее по ту сторону воспринимаемой и доступной описанию реальности. Тем самым он создает многомерность изображаемого мира, когда военные действия, нападение хищников, мирный труд и даже явления природы (течение реки, порыв ветра или падение снега) оказываются сопоставимыми за счет лежащей глубоко за их фасадом единой природы. В этом отношении сравнения в «Илиаде» намного превосходят выделенные функции – украшение повествования, придание ему живости и наглядности происходящего.

⁵³ Fränkel 1921, 304; Scott 2009, vii.

⁵⁴ «Lee, *Similes* 3-4, насчитывает 197 длинных сравнений ('full', то есть с глаголом) в II. и 153 коротких («internal», т.е. без глагола), по сравнению с 45 и 87 соответственно в Od.; Scott, *Similes* 191 – 205 дает перечень и общее (для обоих типов) число 341 для II. и 134 для Od. A. Bonnafé, *RPh* 67 (1983) 82, насчитывает 128 стихов сравнений в II. или 7,2 % от общего числа 15.693 стихов» (Edwards 1991, 24).

⁵⁵ «Примеры встречаются в *Theogony* 594–601, 702–4, 862–6; *Erga* 304–6; *HyDem* 174–7; *HyHerm* 43–6, 55–6, 66–7, 349. В *Aspis* их семь (42–5, 374–9, 386–92, 402–4, 405–12, 426–34, 437–42); они основаны на одной очевидной черте сопоставления и очень просты по меркам Гомера» (Edwards 1991, 24, прим. 30).

⁵⁶ М. Коффи тонко отмечает различные уровни абстракции гомеровских сравнений, часто несколько в одном (Coffey 1957, 330).

Это лучше показать на анализе отдельных сравнений, хотя крайне сложно выбрать репрезентативное;⁵⁷ сравнения соотнесены друг с другом и текстом так, что объяснение одного означает объяснение всего блока (Scott 2009, 8), но для прояснения выдвинутого тезиса, надеюсь, этого будет достаточно. Вот сравнение из XII песни:

ἀλλ' οὐδ' ὡς ἐδύναντο φόβον ποιῆσαι Ἀχαιῶν,
 ἀλλ' ἔχον ὡς τε τάλαντα γυνὴ χερνήτης ἀληθῆς,
 ἢ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἀμφὶς ἀνέλκει
 ἰσάζουσ', ἵνα πασιὶν ἀεικέα μισθὸν ἄρῃται:
 ὡς μὲν τῶν ἐπὶ Ἴσα μάχῃ τέτατο πτόλεμός τε... (XII.432–6)

*все же [троянцы] не были в состоянии обратить в бегство ахейцев
 но стояли ровно [оба строя] как дужка весов честной*

женщины-поденщицы,

*[которая] кладет груз на одну чашу и шерсть на другую, и, поднимая,
 уравнивает, чтобы получить жалкую плату для детей;
 так и битва, и война тянулись в равновесии...⁵⁸*

Этот перевод фрагмента обманчив: даже если оставить в стороне грамматическую структуру,⁵⁹ смысловую невозможно представить без предшествующего и того, что случится потом. У греков (ахейцев) ранено большинство вождей, троянцы впервые вытеснили греческое войско с равнины, где происходили сражения, и штурмуют греческий лагерь, огражденный валом и стеной. Троянцев ведет Гектор и вдохновляет Зевс, их цель – поджечь корабли греков, что означало бы гибель ахейского войска. Греки отчаянно сопротивляются, но помочь им некому – Зевс запретил богам вмешиваться в битву. Вал и стена уже покрыты кровью как греков, так и троянцев, и над греками нависла смертельная угроза – сразу за приведенным фрагментом Зевс вдохнет новые силы в Гектора, тот ободрит троянцев и камнем разобьет ворота греческого лагеря, открыв проход к кораблям – последнему рубежу.

Но в момент, когда их еще разделяет вал, ахейцы удерживают противников, их ряды остаются ровными, и они полны мужества. Его и описывает Го-

⁵⁷ «Выделение какой-либо отдельной части как репрезентативной часто обманчиво» (Moulton 1974, 389).

⁵⁸ В переводе В. Вересаева: «Но и при том не могли обратить они в бегство ахейцев. // Ровно стояли враги, как весы добросовестной пряхи: // Гири и шерсть положивши на чашки, она поднимает // Их, уравнивая, чтоб добыть для детей небогатую плату. // Так в равновесии и бой, и война находились...»

⁵⁹ Подробное рассмотрение см. Hainsworth 1993, 362.

мер с помощью сравнения, построенного на нескольких уровнях: первый – это уподобление ровности рядов противников, прямого коромысла весов у добросовестной пряжи; второй ряд глубже – грекам, как и поденщице, грозит смерть (ей от голода,⁶⁰ им – от врагов), но и женщина, и греки сохраняют душевную твердость, поэтому она – ἀληθής ‘честная’, ‘добросовестная’ (Hainsworth 1993, 362).⁶¹ Следующий уровень – еще более глубокий: семантико-символический. Пряжа и нить связаны с судьбой, Мойрой,⁶² и участью как отдельного человека, так и целых народов.⁶³ В этом эпизоде решается участь двух армий, и бедная женщина оказывается одновременно судьбой, так как она отмеряет шерсть для нити. Этот образ усиливается введением весов (τάλαντα): образ золотых весов Зевса возникает в «Илиаде» четыре раза (VIII.68–74; XVI.656–658; XIX.221–224; XXII.209–213) как наглядное выражение победы/поражения. В данном случае не случайно весы стоят ровно: победа еще не отдана ни одной из сторон. Если учесть, что со времен К. Негельсбаха⁶⁴ существует мнение о единстве Мойры и Зевса, высший смысл образа пряжи с весами в руках получает новое подтверждение.

Кажется, мы можем предположить наличие еще одного уровня, так как для сравнения ровности рядов и равенства сил воюющих сторон было бы достаточно указания на прямоот дужки весов, образ пряжи, поставленной на грань выживания, излишен. Но он важен для изображения нависшей над греками опасности: жизнь поставлена на кон и спасение только в действиях самих людей. Для троянцев эту мысль выразит Гектор (XIII.771–772), а для греков Аякс в битве у кораблей (XV.502–510). Сходство между сражающимися воинами и матерью, вынужденной добывать пропитание для своих детей, и одновременно высшим предначертанием раскрывается на очень высоком уровне абстракции. Судьба всех трех участников сравнения балансирует на

⁶⁰ Плата за ее труд – ἀεικέα, ‘ничтожна’, ‘позорна’. Автор комментария предполагает натуральную оплату, частью выделанных ниток (Hainsworth 1993, 362). А ей нужно кормить не только себя, но и детей. Этот аспект отмечает и М. Коффи (Coffey 1957, 330).

⁶¹ В переводах ее обычно называют «вдовой», предполагая, что за поденную работу может браться только женщина без мужа, хотя прядением в героическую эпоху занимались женщины вне зависимости от статуса (напр., Арета в «Одиссее» VI.305–307).

⁶² В «Илиаде» идея судьбы выражена терминами μοῖρα, αἶσα, μόρσιμος.

⁶³ У Гомера еще нет разделения Мойр на трое – Клото, Лахесис и Атропос (они появляются только у Гесиода, Theog. 905), но тема человеческой доли, (у)части как нити Гомеру известна (II. XX.127–128).

⁶⁴ См. Nägelsbach 1884, первое издание 1840.

границы в равной степени, и нижние уровни оказываются только проекцией высшего. По сути, это просто закон жизни, выраженный через маленький эпизод, и то, что лежит в его основании, – всеобъемлюще и тотально.⁶⁵

Я рассмотрю сравнение, очевидно лишенное символического уровня:

ὡς δ' ἄνεμοι δύο πόντον ὀρίνετον ἰχθυόεντα
 Βορέης καὶ Ζέφυρος, τῷ τε Θρήκηθεν ἄητον
 ἐλθόντ' ἐξαπίνης: ἄμυδις δέ τε κύμα κελαινὸν
 κορθύεται, πολλὸν δὲ παρῆξ ἄλα φύκος ἔχευεν:
 ὡς ἐδαΐζετο θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι νῆαρχαίων. (ΙΧ.4–8)

*Как два ветра волнуют многорыбное море,
 бурные Борей и Зефир, из Фракии
 налетают внезапно и черные волны
 поднимают, вынося из моря много морских водорослей,
 так трепетал дух в груди ахейцев.*⁶⁶

Здесь для сравнения (средства) использована картина природы, частый прием у автора «Илиады». Отметим, что за исключением сравнений, картины природы у Гомера используются только для описания действий (соблазнение Герой Зевса, XIV, битва Ахиллеса с рекой, XXI и т.д.) и никогда не встречаются сами по себе.⁶⁷ Можно ли говорить в данном случае о тождестве процессов на каком-либо уровне? Первый уровень очевиден: волнение, смятение – в одном случае духа (θυμός), в другом моря (πόντος). Отметим, что сравнение волнения моря с беспокойным состоянием человеческой психики для нас не просто привычно, но почти банально. Но на самом деле между этими процессами, взятыми изолированно, мало общего. Сходство возникает, когда море берется с внешней стороны, для наблюдателя – тогда это либо величественное зрелище, либо феномен, несущий в себе угрозу, опас-

⁶⁵ П. Кауэр в свое время высказал тезис, что данное сравнение у Гомера является заменой абстрактного существительного, выражающего равенство (Caueг 1921–1923, 461). М. Коффи справедливо указывает, что для такого утверждения недостаточно оснований (Coffey 1957, 337 прим. 47). Речь не может идти об уровне абстрактных понятий.

⁶⁶ В переводе В. Вересаева: «Так же, как ветры волнуют богатое рыбами море, – / Ветры Борей и Зефир, что из Фракии дуют далекой; / Сразу они налетают; и черные волны горами / Вверх поднимаются, тину морскую швыряя на берег, – / Так же и дух разрывался в груди меднолатных ахейцев».

⁶⁷ «У Гомера нет натурализма, подобного тому, что мы находим в письме Золя» (Fränkel 1999 (1921), 304).

ность. В каком плане обращается к морю Гомер – как к нейтральной стихии, или угрозе для мореплавателей и всех, кто живет на берегу и связан с морем? Первое маловероятно для эпоса, кроме того, гомеровские пейзажи часто включают в себя наблюдателя с целью введения эмоции, без которой Гомер не мыслит описание (Coffey 1957, 332).⁶⁸ Так в XIV.16–20 картина моря соответствует состоянию души Нестора, а в IV.275–279 введен пастух в качестве источника эмоции.

Важно также указание на ветер:⁶⁹ в обоих случаях то, что волнуется, приводится в движение силой, действующей извне. Как для мореплавателя опасно возбужденное ветром море, так для полководца смятение духа у войска, что подчеркивается введенным ранее упоминанием угрозы панического бегства. Опасность, угроза могут рассматриваться как второй уровень и намного более важный для повествования. Здесь уровень абстракции иной, чем в предыдущем сравнении, но и этого уровня достаточно, чтобы говорить о тождестве или о едином законе жизни: нечто, являющееся источником благополучия и гарантией существования, может испытать силу внешнего воздействия и прийти в состояние, угрожающее гибелью отдельному человеку и сообществу в целом.

Тот же принцип в знаменитом сравнении οἷη περ φύλλων γενεὴ τοίη δὲ καὶ ἀνδρῶν (каковы поколения листьев, таковы и людей)⁷⁰ (VI.146), где соотносятся не листья с людьми, а время жизни.⁷¹ И это же можно сказать о многочисленных у Гомера сравнениях нападающего воина с хищным зверем: сви-

⁶⁸ Ср. также: «Сравнения в целом, как и повествование, составлены с точки зрения наблюдателя и комментируют внешние признаки, из которых, конечно, могут быть выведены внутренние состояния сознания. Поэтому это сравнение необычно тем, что оно комментирует метафизическую сущность, *θυμὸς*, которую нельзя наблюдать, за исключением случаев, когда человек может знать о своем собственном *θυμὸς* и, как здесь, о своем сердцебиении» (Hainsworth 1993, 58).

⁶⁹ Я согласен с Френкелем, что «Борей и Зефир не могут означать два разных ветра, а только северо-западный, поскольку оба они происходят из одной страны» (Fränkel 1999 (1921), 318, прим. 4).

⁷⁰ «Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков: Сходны судьбой поколения людей с поколениями листьев» (Пер. В. Вересаева).

⁷¹ «Это утверждение общего принципа, делающего это сравнение вместе с XXI.464, которое должно быть тесно связано с ним, исключительным среди гомеровских сравнений» (Coffey 1957, 331). М. Коффи верно усматривает в этом сравнении общий принцип, но анализ заставляет сомневаться в его исключительности. Само сравнение, как отмечает комментатор этого фрагмента Дж. С. Кирк (Kirk 1990, 176), было поэтическим общим местом, оно встречается в слегка измененном виде в II. XXI.464–6, а также у Мимнерма (2.lf.), в «Птицах» (685) Аристофана и т. д.

детельство абстрактности сравнения можно увидеть в том факте, что часто Гомер использует синонимы – лев или вепрь, или волк,⁷² то есть для поэта важен не тот или иной конкретный зверь, а процесс, феномен взятый на абстрактном уровне.⁷³

Если согласиться с Гегелем, что начало философии лежит в осознании того факта, что за миром чувственного восприятия лежит нечто единое, то следует предположить, что в «Илиаде» это осознание находит свое выражение, хотя и не понятийное. У Гомера действительно нет понятия, которое бы выражало такое единство, тем более его бытийную истинность, но введением им длинных сравнений, как представляется, базируются на еще неясном представлении о таком начале. Гегель противопоставляет учение Фалеса о воде как первую философию Гомеру, которого считает певцом множественности самостоятельных начал: «...В положении, гласящем, что этой сущностью является вода, успокоена дикая, бесконечно пестрая гомеровская фантазия, положен конец взаимной несвязанности бесчисленного множества первоначал, всем тем представлениям, что особенный предмет есть некое само по себе существующее истинное, некая сама по себе сущая самостоятельная власть над другими, и этим устанавливается, что есть лишь единое всеобщее, само по себе сущее всеобщее, – простое созерцание, в котором нет никакой примеси фантазии, мышление, что есть исключительно лишь единое» (Гегель 1993, 209). Предшествующий анализ показывает, что Гомер как раз создал условия для возникновения философии, выстроив уровни бытия, но естественно, едва ли он домыслил их до конца и вообще отчетливо осознавал их в качестве особой сущности, не говоря о том, чтобы закрепить их терминологически. Гегель полностью отрицает философское начало у Гомера, он даже противопоставляет его философии. «Дальнейшее развитие, дальнейшие шаги в этом направлении, как, например, представления Гомера, являлись чем-то таким, чем мысль никак не могла удовлетвориться; они производят на нас впечатление образов исключительно лишь

⁷² «Очевидно, что в реальной жизни существуют важные различия между этими видами и различными видами их вражды с людьми, но в гомеровской практике нет заметной разницы в том, как они описываются, и в качествах, которые они воплощают. Два или более вида часто координируются как предмет одного сравнения, поэтому акцент, кажется, делается на силу, смелость и агрессию, которые все они разделяют (лев и кабан: 5.782 f.–7.256 f., 11.292–95, 12.41 f.; лев, кабан и леопард: 17.20–23; волк, леопард и шакал: 13.103)» (Clarke 1995, 138 прим. 5).

⁷³ «...символика агрессивных диких животных – это гораздо больше, чем вопрос стиля, и что они играют главную роль в изображении Гомером этических и психологических проблем героизма» (Clarke 1995, 138).

фантазии, бесконечного всеобщего одарения жизнью и формой и полного отсутствия простого единства» (Гегель 1993, 208). Философы вообще невысоко оценивают возможность существования философии в поэзии, но в данном случае обоснованно будет предположить, что греческая философия возникла не на пустом месте.⁷⁴

Вторая из сторон, способствовавшей успеху «Илиады», как мне представляется, может быть охарактеризована как философско-правовая концепция, лежащая в основе поэмы. Ее можно так обозначить, если под правом понимать не корпус нормативных установлений, как обычно, а систему форм реализации человеком своего понимания собственной сущности (природы). Такой подход может быть оправдан при диахроническом взгляде на правосознание, из которого кристаллизируются правовые нормы. Правосознание тогда предстает как сознание человеком своего места в универсуме и собственной сущности в качестве определенной функции, нераздельно соединяющей права и обязанности. Иначе говоря, место в универсуме обозначает не пассивное нахождение в некоем условном пространстве, а определенную функцию, подобно органу у живого существа. Если мир наделен смыслом, этот смысл может реализовываться только как деятельность (работа) элементов системы; в этом случае право предстает в качестве необходимого условия реализации функции: как регулировщик (не человек, а чистая функция) может управлять движением только в том случае, если он высшей инстанцией наделен правом останавливать процесс и направлять его, так и хищник (функция) должен получить некую природу (внутренние и внешние качества – агрессивность, силу, клыки, когти) в качестве полномочия, тогда он будет соответствовать своей функции-сущности. В этом случае самым участником право мыслится как заданное извне (свыше) полномочие в качестве условия и обязанности реализации собственной бытийной функции.⁷⁵ В историческом плане понимание шло обратным образом – от анализа действий к осознанию природы и далее – к построению картины мира. У Гомера присутствует изображение права во взаимоотношении между миром людей и сферами, лежащими ниже и выше – животными и богами.

⁷⁴ Кажется, впервые эту мысль по поводу сравнений у Гомера высказал Уэбстер: «...здесь мы можем обоснованно видеть предвращение тех рабочих моделей, предложенных полтора столетия спустя Фалесом и его последователями для объяснения неизвестных действий универсума. В развитых гомеровских сравнениях лежит зародыш ионийской философии и науки» (Webster 1958, 225).

⁷⁵ См. подробнее об этом: Шевцов 2014, 361 сл.

О каждой из этих сфер в связи с Гомером написано много, но не через призму права. В девятнадцатом веке исследователи искали у Гомера юридические нормы в духе позитивного права, например, как представлена у Гомера система земельной собственности и пользования землей (Ridgeway 1885) или каковы нормы судебного разбирательства (Sidgwick 1894). Сто лет спустя постановка вопросов изменились, но не сам подход. Ева Кантарелла при изучении возникновения права в Греции признала, что у Гомера можно найти элементы правовой системы (Cantarella 1979). Замечательный историк античного права М. Гагарин и П. Вудруф включили несколько отрывков из «Илиады» в сборник текстов по ранней политической мысли в Древней Греции – о роли рядовых членов общества в собраниях (II.188–278), об арбитраже старших (XVIII.497–508) и обязанностях аристократов (XII.210–321).⁷⁶ С правовой точки зрения интересны работы Й. Хаубольда,⁷⁷ исследовавшего роль и характер деятельности народа (*λαοί*) в поэмах Гомера с точки зрения институций и социальной структуры (общее собрание, отношение вождя и народа как пастуха и стада и т.д.), и Р. Сифорда (Seaford 2012, 13–23),⁷⁸ выделившего у Гомера три пространства – космическое, географическое и непосредственно доступное наблюдателю, в основе которых автор видит социальную организацию (например, первое пространство, космическое, включающее в себя остальные, образовано разделением сфер полномочий между Зевсом, Посейдоном и Аидом). Поскольку греки не знали абстрактного пространства, необходимого для карты, эти сферы у Гомера оказывались лишены систематичности и непрерывности (Seaford 2012, 18).

В связи права и пространства сомнений нет: мы называем пространством область, определяемую некоторыми нормами (аксиомами, свойствами и т.д.), если наличествует несколько систем таких норм, мы обычно говорим о нескольких пространствах (то есть одно пространство – одна система норм). Сегодня мы смотрим на мир как сосуществование различных пространств – физического, социального и других (показательно, что слово «пространство» стало настолько многозначным, что его использование требует чрезвычайной осторожности). В античном мире любая терри-

⁷⁶ Gagarin, Woodruff 1995, 3–8.

⁷⁷ См. Haubold 2000. Й. Хаубольд опирается на теорию устной поэзии, но странным образом в своем исследовании стремится оценить эффективность социальных институтов гомеровского времени. Критерии этой оценки представляются мне более чем спорными.

⁷⁸ Гомеру в работе Р. Сифорда посвящена первая глава. Методологической основой для него выступает концепт хронотопа М. М. Бахтина, что кажется проблематичным, когда исследование выходит за пределы художественного текста.

тория осмыслялась прежде всего как пространство социальное – кто и как им владеет, каковы его нормы: в этом плане показательна «Одиссея», представляющая по сути путешествие героя между мирами-пространствами, но стремившегося сохранить собственное и вернуться в знакомый мир. Пространство или пространства «Илиады» определяется взаимоотношением людей между собой, а также характером их связи с другими сущностями – богами, стихиями и т.д. Стоит ли напоминать, что деление на классы элементов того мира носило иной характер, чем принятый сегодня: реки, ручьи, рощи, долины понимались как одушевленные боги (нимфы, наяды, дриады и т.д.), их персонифицированность не вызывает сомнений – Зевс в критический момент собирает их на совет (XX.6–15).

Я хотел бы сформулировать тезис, что Гомер в «Илиаде» задает определенную систему правовых координат для мира людей и богов, и это было важной инновацией для Греции того времени и способствовало популярности поэмы и введением ее в качестве фундаментального начала для образования.⁷⁹ В рамках данной работы возможно только обоснование наличия такой правовой системы, но не подробное рассмотрение.

Главный из аспектов правового измерения задан, вне сомнения, структурой человеческого общества и подобной ему структурой сообщества богов с отцом-Зевсом во главе (Буркерт 2004, 229). Структура греческих богов характеризуется сложностью и неоднородностью, нет единого мнения относительно происхождения как отдельных элементов, так и общих характеристик (Отто 2019, Nilsson 1940, Лосев 1960, Rose 1962, Guthrie 1975, Буркерт 2004, Kirk 1990). Ее принято возводить к месопотамской системе богов, с учетом множественных влияний на протяжении долгого времени⁸⁰ (точками передачи влияния называют Угарит и Кипр).⁸¹ У Гомера мы находим выделение богов-олимпийцев во главе с Зевсом, а кроме того общих богов, не входящих в олимпийский пантеон (Деметра, Дионис, Аид, Персефона и др.), локальных богов, непосредственно связанных со своей стихией (речные боги, например Ксанф (Скамандр), ветры, нимфы⁸²). Все эти боги подчиняются воле Зевса и боятся его: даже Посейдон, несмотря на свое заявление о равенстве Зевсу, покоряется его воле, хотя и не безусловно (XV.184–217). Таким образом, перед нами подобие монархии, но степень полноты власти отца-правителя вызывает споры. Нужно учесть, что олимпийцы – это треть

⁷⁹ Эту популярность подчеркивает Буркерт (Буркерт 2004, 216–217).

⁸⁰ Буркерт 2004, Kirk 1990, Janko 1994.

⁸¹ См. Kirk 1990, 1–6.

⁸² Среди нимф выделяли горных, ключевых, луговых и лесных (Nägelsbach 1884, 89). См. также Nilsson 1940, 14.

поколение богов (идея-модель восходит к хеттскому мифу о Кумарби (Kirk 1990, 4)), и сам этот факт свидетельствует не в пользу абсолютной власти.⁸³ Кроме того, много споров среди исследователей вызывает отношение Зевса и судьбы. Сама судьба обозначена в поэме несколькими терминами – μοῖρα, αἴσα, μόρς, но отношения между ними неясно⁸⁴ и столь же неясной остается степень ее персонализации (Heden 1912, 145–160; Доддс 2000, 15–16).

В связи с правом главным в отношении богов оказывается вопрос: насколько они свободны и существуют ли для них необходимые нормы. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся. Лучшим примером могут служить упомянутые выше золотые весы Зевса: являются ли они лишь наглядной иллюстрацией его воли или он сам подчиняется их решению? С нашей точки зрения вероятнее первое, так как, например, в случае поединка Ахиллеса с Гектором (XXII.209–213) Зевс заранее на горе Ида сообщил Гере его исход (XV.68). Верховный бог обладает определенной свободой воли, проявлением чего может служить его согласие удовлетворить просьбу Фетиды о мести ахейцам (I.517–527) и его колебания относительно судьбы своего сына Сарпедона (XVI, 431–438). Отметим, что форма обращения Фетиды к Зевсу (I.500–502; 512–516), послужившая источником для известной картины Д. Энгра, может быть свидетельством определенной разработанности форм прошения о защите или покровительстве среди богов.

Мне неизвестны работы (кроме античных), где выражалось бы сомнение по поводу того, что в основе божественных норм у Гомера лежат отношения между людьми. Наличие социальной структуры и определенной системы норм в человеческом обществе, представленном в «Илиаде», споров не вызывает. Но разногласия начинаются, когда заходит речь о формах и чертах этой структуры, сочетающей в себе, с чем согласно большинство, элементы социального устройства микенского и гораздо более позднего гомеровского времени, что делает ее чрезвычайно запутанной и неоднозначной. Но и здесь основным остается вопрос о понимании человеком себя через отношение к свободе и обязательности норм. Как представляется, именно человеческое решение этой проблемы лежит в основе и божественной системы права.

Представленное в «Илиаде» человеческое общество иерархизировано: рабы и рабыни, простые воины, предводители отрядов, вожди, верховный

⁸³ В полной мере этот миф представлен в «Теогонии» Гесиода, но Гомеру он известен, Зевс у него упоминает по крайней мере судьбу своего отца Кроноса (II. VIII. 479–481, XIV, 203–204).

⁸⁴ Nägelsbach 1884, 117 ff.; Отто 2019, 195; Nilsson 1940, 14–15; Лосев 1960, 333–336; Буркерт 2004, 229–230.

правитель. Женщин стоит выделить в отдельную группу, внутри которой подобное же разделение. Статус каждого человека определяется рядом факторов, наиболее существенные среди них – происхождение и деяния (подвиги). Поэтому герои к месту и не к месту (по современным представлениям) рассказывают о своем роде (VI.145–211; XIV.113–127; XX.206–241; XXI.153–160; XXI.187–189) или о своем прошлом (I.260–273; IV.318–319; IX.447–485; XXIII.629–645).⁸⁵ Едва ли можно говорить, что вожди в «Илиаде» слепо верят в судьбу: они колеблются перед решением, им присущи сомнения, страхи, что-то они пытаются изменить. Окруженный врагами Одиссей колеблется, бежать ему, подобно трусу, или остаться и наверняка погибнуть (XI.401–410); сомнения присущи и отчаянному Диомеду (VIII.145–158, 167–169), и неустрашимому Аяксу (XVII.629–633), и Гектору (XXII.11–125), и самому Ахиллесу (IX.619). О колебаниях простых воинов Гомер не говорит, но показателен момент, когда Агамемнон предлагает оставить осаду и отплыть домой, и воины бросаются к кораблям (II.142–154), а после остаются, удерживаемые Одиссеем, при этом к вождям он обращается со скипетром в руке, а простых воинов этим же скипетром бьет (II.199).

Главный выбор стоит перед Ахиллесом: жить долго или умереть со славой (IX.411), хотя сам же Ахиллес провозглашает: ἀλλ' ἔπι τοι καὶ ἐμοὶ θάνατος καὶ μοῖρα κραταίη (XXI.110).⁸⁶ Важно, что эта ситуация Ахиллеса не исключительна, подобный выбор стоял и перед коринфянином Эвхенором, чей отец, провидец, предсказал ему либо долгую жизнь, либо смерть у Трои перед ахейскими судами (XIII.663–668). Но в повествовании как таковом это лишь кажущийся выбор. Свой подлинный выбор Ахиллес совершает, когда отказывается участвовать в сражениях. Его выбор – это его гнев, и «Илиада» – поэма о выборе. От стремления наброситься с оружием на Агамемнона Ахиллеса удерживает Афина (I.194–198), но позже Агамемнон скажет, что его разум ослепили Судьба (μοῖρα), Эриния и Зевс, посредством Аты ('Атῆ 'злой рок, заблуждение, слепота') (XIX.86–89). Выходит, что обе стороны действовали под влиянием богов,⁸⁷ и именно так принималось судьбоносное решение. Это и есть самое существенное: присутствие богов повышает статус

⁸⁵ Три из четырех примеров это рассказы Нестора, который по возрасту не может выступать в качестве полноценного воина, и этим компенсирует свое право на место среди вождей.

⁸⁶ В пер. В. Вересаева: «Смерть однако с могучей Судьбой и меня поджидают».

⁸⁷ Два божества оказались по разные стороны, отец и дочь (Афина) или две дочери одного отца (Ата и Афина), но едва ли автора волновал вопрос, как они могли не заметить друг друга.

действия,⁸⁸ это во-первых, а во-вторых, относительно поведения человека греки относили к богам все, что выходило за рамки некоего стандарта – как хорошее (прозорливость, силу, мужество, рассудительность), так и плохое (умственная слепота, обманчивость, отчаяние, безумие).⁸⁹ Человек античности не знал бога внутри себя,⁹⁰ не было у него и священных текстов для руководства, все держалось на традиции, мир вне человека был наполнен богами (даже у Фалеса вселенная «полна богов» (23 DK)), и экстремальные проявления собственной природы человек тоже относил к богам.

Поддавшись гневу, оба, Агамемнон и Ахиллес, несут за это ответственность. Они не мучаются угрызениями совести, но знают, что именно они послужили причиной событий. Агамемнон доходит до крайней точки, сознавая, что его действия поставили под угрозу всю кампанию; он настолько теряет уверенность в исходе, что предлагает бежать, на что Диомед заявляет, что скипетр правителя Зевс ему вручил, а твердость, необходимую для этого, нет (IX.37–39). Ахиллес знает, смерть его друга Патрокла – следствие его гнева, его решения. Только с учетом идеи ответственности, заложенной в самую сердцевину поэмы можно объяснить многие ее сюжетные неувязки – с послами, которым сначала отказывают (IX), а потом ждут их появления (XVI.85–86) и проч. Эти детали неважны для автора, он хочет донести ту мысль, что нарушение порядка вещей на основе свободной воли (пусть даже эмоции) влечет за собой серьезные беды; поэтому невозможно для повествования, чтобы Ахиллес принял от послов дары и вернулся в строй как ни в чем ни бывало.

С сюжетом ответственности Ахиллеса есть одна важная деталь: В. Кульманн убедительно обосновал, что сюжет потери друга и мести его убийце заимствован автором «Илиады» из сюжета «Эфиопиды».⁹¹ Запись «Эфиопи-

⁸⁸ Janko 1994, 2.

⁸⁹ Буркерт 2004, 218.

⁹⁰ «Божество не живет в человеческом сердце, но пребывает снаружи, на дороге, и человек должен отправиться в путь, чтобы встретиться с ним» (Отто 2019, 223–224).

⁹¹ «В этом эпосе король эфиопов Мемнон приходит на помощь троянцам на десятом году войны. В связи с этим событием сообщается, что Антилох, сын Нестора, который являлся еще одним другом Ахилла, был убит Мемноном при попытке спасти своего отца от опасной ситуации в битве. В результате Ахиллес выходит на поединок. Ранее он воздерживался от борьбы с Мемноном, потому что Фетида предсказала, что он умрет, если убьет Мемнона. Теперь он мстит Мемнону за смерть своего друга Антилоха; вскоре после этого он сам был убит Парисом стрелой, около Скейских ворот, как и было предсказано его матерью. Сходство сюжета Илиады поражает. Ахиллес появляется в обоих эпосах. В одном его друг – Патрокл, в другом – Антилох, а его враг – Гектор или Мемнон. Последовательность следующих

ды», как и всех поэм эпического цикла (киклических) более поздняя, чем «Илиады», но можно согласиться с немецким исследователем, что уровень разработки сюжета не оставляет сомнения в первенстве «Эфиопиды» относительно «Илиады» в устном хождении⁹² (как и в отношении «Киприй», из которой заимствованы другие линии «Илиады»⁹³). Что возникает в поэме Гомера, так это мотив ответственности, совершенно чуждый как «Киприям», так и «Эфиопиде», насколько мы можем судить по дошедшим отрывкам и пересказу сюжета Проклом. Тема ответственности пронизывает всю поэму – она ложится не только на Агамемнона и Ахиллеса, но и на менее значимых персонажей: Пандар, нарушитель перемирия, оказывается почти сразу после этого убит Диомедом (IV.86–126), Эвфорб, нанесший первым удар Патроклу в спину, в тот же день умирает от руки Менелая (XVII.9–60), можно вспомнить слова Сфенела, сына Капакея (героя фиванского цикла), и возницы Диомеда, что поколение отцов сгубило себя своим безрассудством, а потому уступало нынешнему (IV.403–410). В плане выбора и ответственности за него в особом положении Гектор – у него выбора нет, его роль определена ситуацией и он ни в чем не изменяет себе. Но без ответственности герой такого уровня не может существовать в этой поэме, поэтому автор наделяет его решениями, которые приведут к гибели: он снимает доспехи с Патрокла и хвастает своей победой (XVII.184–206), он, опьяненный своей ролью в победе троянцев, дважды не слушает правильных советов Полидамаса (XII.195–229; XVIII.248–309), о чем потом сожалеет (XXII.100–104), наконец, он решается на поединок, вместо того, чтобы укрыться в городе (XXII.5–6, 35–36). Ответственность Париса представлена в поэме размыто, но она глобальна – вся война определена его выбором и поступком, в чем упрекает его Гектор (VI.328–329). Что касается простых воинов, то у них выбора нет, по крайней мере, об этом поэма не говорит. Нет выбора и у женщин; показательно, что когда Елена, считая это бесчестным, не хочет идти к Парису, трусливо сбежавшему после проигранного поединка с Менелаем, Афродита заставляет ее это сделать вопреки ее воле.⁹⁴ Нет ответственности на Елене за

мотивов одинакова в обоих эпосах: пророчество Фетиды, воздержание Ахилла от сражения, вмешательство и смерть друга Ахилла (Патрокла / Антилоха), месть Ахилла своему врагу за смерть своего друга и смерть Ахилла (которая, однако, не рассказана в *Илиаде*, но только предсказана или описана как предчувствие)» (Kullmann 1984, 310). Куллманн анализирует «Эфиопиду» по изданию: Allen 1911.

⁹² Kullmann 1984, 310–312, 318–319.

⁹³ Kullmann 1960.

⁹⁴ Отметим, что в этом эпизоде Афродита является Елене в виде старой пряхи, что едва ли случайно.

ее бегство из Спарты с Парисом, она лишь бегло упоминает об упреках све-крови, золовок, невесток и деверей (XXIV.768–770). То же самое можно сказать об Андромахе и Гекубе – на них нет ответственности за их страдания и потери.

Но все же самое поразительное другое: ответственность распространяется не только на людей, но и на богов. Здесь ключевой фигурой является сам Зевс. Он всевластный отец богов и людей (πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε), все совершается по его воле, казалось бы, ему не перед кем держать ответ. Но он, хотя не без колебаний, принимает решение удовлетворить просьбу Фетиды о мести ахейцам за обиду ее сына. Его сомнения относительно решения (I.511–513, 518–527; II.2–4) показывают, что это свободный выбор его воли. Видимо, он сразу продумывает или просчитывает весь порядок действий, и жестко и твердо осуществляет свою волю, иногда прибегая даже к угрозам другим богам (VIII.10–27), а после Гере и Афине (VIII.438–484), Посейдону (XV.162–167) и снова Гере (XV.13–33). Но самый замечательный момент связан с его сыном Сарпедоном, самым дорогим ему среди обоих лагерей (φίλτατον ἀνδρῶν) (XVI.433). Когда он на горе Иде открывает Гере сценарий дальнейших событий, он сразу говорит о смерти Сарпедона от руки Патрокла. Сам Патрокл в этот момент еще не вступил в битву, но Зевс выделяет Сарпедона среди множества троянцев, которые будут убиты Менетидом. А когда потом Сарпедон сходит с другом Ахиллеса, Зевсом овладевают сомнения, у него возникает желание спасти Сарпедона, и уже Гере приходится осторожно предупреждать Зевса о дурных последствиях такого решения, и Зевс поддается. Это ключевой момент в понимании роли Зевса: что ему стоило спасти своего сына, как спасли Афродита и Аполлон Париса в поединке с Менелаем (III.369–378), а Энея при его встрече сначала с Диомедом, и дважды с Ахиллесом (V.305–318, 445–446; XX.92–93, 291–339), да и самого Гектора Зевс и Аполлон несколько раз спасали – после их столкновений с Аяксом (XX.443–446). Но Зевс не может изменить ход вещей, он принял решение и принимает все последствия этого. Это его, Зевса, ответственность за акт свободной воли. Возможно, этим и были вызваны его первоначальные сомнения при визите Фетиды, хотя тогда он ссылался на недовольство Геры.

Кто не несет ответственности, так это Гера и Афина, и даже Афродита, за развязанную войну (хотя о суде Париса в поэме прямо не говорится). Вероятно, потому что они женщины, хотя на Олимпе все решает не пол, а статус, и та же Афина намного превосходит Ареса, но все же автор сохраняет верность традиционной модели: ответственность несут только муж-

чины, хотя часто они действуют под влиянием женщин, но это их выбор, и они отвечают за него.

И это высший закон, которым пронизана вся поэма – с самого начала и до самого конца. Это единый закон, равно относящийся к людям и к богам. Он очень близок тому, что выразил Анаксимандр в своем знаменитом высказывании: если понять свободное решение как несправедливость ($\alpha\delta\iota\chi\iota\alpha$)⁹⁵, за него следует выплачивать возмездие (В 1 DK). Он близок и высказыванию Гераклита о солнце, которое не может сойти с предначертанного пути (В 94 DK), хотя Гера однажды укорачивает день (XVIII.239–240).⁹⁶ И его не стоит считать слепой и спорадической Судьбой-Мойрой, это именно закон. Учитывая сказанное выше о сравнениях и открывающемся за ними единстве, мы можем сделать вывод, что в «Илиаде» уже нашло свое место многое из того, что будет представлено позже как философия ионийцев – единство мира, правящий миром закон, ответственность за попытку переступить установленную меру. Эта философско-правовая концепция, скрытая в «Илиаде», как представляется, во многом может объяснить тот парадокс, о котором говорилось выше, концепция единого закона основания мира оказалась сильнее исторического разъединения греческих народов и могла способствовать основанию греческой культуры как единого целого. По сути, ионийцы придали идеям «Илиады» понятийное выражение (что само по себе знаменательный шаг).

Если принять этот тезис, он может послужить основанием для утверждения единства авторов «Илиады» и «Одиссеи». В. Кульман прекрасно продемонстрировал различие концепций богов в двух поэмах: в одной боги выступают как высшая спорадическая сила, равно сеющая и добро и зло, в другой они представляют единство и служат поборниками справедливости (Kullmann 1985, 2–12).⁹⁷ Его замечание, что нет возможности представить, как столь отличная по сути концепция богов «Одиссеи» могла бы эволюционировать в сознании одного человека из концепции «Илиады» (Kullmann 1985, 14), и справедливо, и обосновано. Но сделанное в этой статье предположение о наличии в «Илиаде» идеи высшего закона, закона, стоящего над бога-

⁹⁵ Таково толкование этого фрагмента Ницше: становление – уже отпадение от бытия (Ницше 2012, 321).

⁹⁶ Не против этого ли было направлено высказывание Гераклита?

⁹⁷ Это различие осуществляется в разных пластах – мотивах вмешательства богов в действия людей, оценке людьми действий богов («В «Илиаде» герои принимают божественное действие как нечто роковое и неизбежное, в то время как в «Одиссее» они гораздо больше думают и размышляют о поведении богов») (Ibid. 8), выраженному в поэмах отношению человека к судьбе и божеству (Ibid. 11–12).

ми, даже над Зевсом, открывает возможность для эволюции идеи морали, правящей миром.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бониц, Г. (1878) *О происхождении гомеровских поэм*. Пер. А. Мейера. Одесса.
- Борхес, Х. Л. (1997) *Сочинения в трех томах*. 2 изд.; сост. Б. Дубина. Москва.
- Буркерт, В. (2004) *Греческая религия: Архаика и классика*. Перевод с нем. М. Витковской и В. Витковского. Санкт-Петербург.
- Гегель, Г.В.Ф. (1993) *Лекции по истории философии*, кн.1. Санкт-Петербург.
- Гиндин, Л. А., Цымбурский В. Л. (1996) *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. Москва.
- Гордезиани, Р. В. (1978) *Проблемы гомеровского эпоса*. Тбилиси.
- Грант, М. (1998) *Греческий мир в доклассическую эпоху*. Пер. Т. Азаркович. Москва.
- Доддс, Е. Р. (2000) *Греки и иррациональное*. Пер. М. Л. Хорькова. Москва.
- Зайцев, А. И. (1990) «Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера», Гомер. *Илиада*. Ленинград, 395–416.
- Йегер, В. (2001) *Пайдейя. Воспитание античного грека*. Перевод А. И. Любжина. Т. 1. Москва.
- Лаптева, М. Ю. (2009) *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* Санкт-Петербург.
- Лорд, А. (1994) *Сказитель*. Пер. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Москва.
- Лосев, А. Ф. (1960) *Гомер*. Москва.
- Надь, Г. (2002) *Греческая мифология и поэтика*. Пер. Н. П. Гринцера. Москва.
- Немировский, А. А. (2003) «Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады», *Studia historica*. Vol. 3. Москва, 3–18.
- Ницше, Ф. (2012) *Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869 – 1873 гг.* Москва.
- Отто, В. (2019) *Греческие боги. Картина божественного в зеркале греческого духа*. Пер. О. С. Ракитянской. Санкт-Петербург.
- Суриков, И. Е. (2017) *«Молчат гробницы»? Археология античной Греции*. Москва.
- Тронский, И. М. (1973) *Вопросы языкового развития в античном обществе*. Ленинград.
- Фрейденберг, О. М. (1946) «Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады)», *Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук*. Ленинград, 101–113.
- Шевцов, С. П. (2014) *Метаморфозы права. Право и правовая традиция*. Москва.

REFERENCES

- Allen, T. W. (1911) *Homeri Opera*. T. V. Oxford.
- Allen, T. W. (1924) *Homer: the Origins and the Transmission*. Oxford.

- Barnett, R. D. (1975) "The Sea Peoples," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part. 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 359–378.
- Basset, S. E. (1921) "The Function of the Homeric Simile," *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 52, 132–147.
- Blegen, C. W. (1967) *The Mycenaean Age. The Trojan War, the Dorian Invasion and other Problems*. Lectures in memory of Louise Taft Semple. 1 series. Princeton.
- Blegen, C. W. (1975 [1964]) "Troy VII," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part. 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 161–164.
- Blegen, C. W. (1975) "The Expansion of Mycenaean civilization," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part. 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 165–187.
- Broneer, O. (1966) "The Cyclopean wall on the Isthmus of Corinth and its bearing on Late Bronze Age chronology," *Hesperia* 35, 346–362.
- Bowra, C. M. (1952) *Heroic Poetry*. London.
- Buck, R. (1969) "The Mycenaean time of troubles," *Historia* 18, 276–298.
- Burkert, W. (2015) "Lydia between East and West or How to Date the Trojan War: A Study in Herodotus," *The Ages of Homer: A Tribute to Emily Townsend Vermuele*. Ed. by J. B. Carter and S. P. Morris, University of Texas Press, 139–148.
- Burkert, W. (1995) *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Harvard University Press.
- Cantarella, E. (1979) *Norma e sanzione in Omero: contributo alla protostoria del diritto Greco*. Milan.
- Cauer, P. (1921–1923) *Grundfragen der Homerkritik*. Bd. I–II. 3 Aufl. Leipzig.
- Clarke, M. (1995) "Between Lions and Men: Images of the Hero in the Iliad," *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 36, 137–159.
- Cline, E. H. (2006) *Archaeology and the Iliad: The Trojan War in Homer and History*. Recorded Books, LLC.
- Cline, E. H., O'Connor, D. (2003) "The Mystery of the 'Sea Peoples'," *Mysterious Lands*. Eds. D. O'Connor and S. Quirke. London, 107–138.
- Coffey, M. (1999 (1957)) "The Function of the Homeric Simile," *Homer. Critical Assessments. Vol. III. Literary Interpretation*. Edited by I. J. F. de Jong. London, 322–337.
- Cook, J. M. (1975) "Greek settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 773–804.
- Crielaard, J.-P. (1995) "Homer, History and Archaeology: Some Remarks on the Date of the Homeric World," *Homeric Questions: Essays in Philology, Ancient History and Archeology, Including the Papers of a conference organized by the Netherlands Institute at Athens (15 May 1993)*, ed. by J.-P. Crielaard. Amsterdam, 201–288.
- Currie, B. (2016) *Homer's Allusive Art*. Oxford.

- Deger-Jalkotzy, S. Lemos, I. S. (2006) "Introduction," *Ancient Greece: from the Mycenaean palaces to the age of Homer*. Edinburgh, 1–3.
- Desborough, V. R. d'A. (1964) *The Last Mycenaeans and Their Successors*. Oxford.
- Dickie, M. W. (1995) "The geography of Homer's world," *Homer's World: Fiction, Tradition, Reality*. Ed. by Ø. Andersen and M. Dickie. Bergen, 29–56.
- Ebeling, E., Meissner B., Edzard D. O. (1999) *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 1 (A – Bepaste). Berlin, New York.
- Edwards, M., ed. (1991) *The Iliad: a Commentary*. Vol. V: books 17–20. Cambridge.
- Finkelberg, M. (2000) "The Cypria, the Iliad, and the Problem of Multiformity in Oral and Written Tradition," *Classical Philology* 95, 1–11.
- Finley, M. I. (1964) "The Trojan War," *Journal of Hellenic Studies* 84, 1–9.
- Finley, M. I. (1968) *Aspects of Antiquity: Discoveries and Controversies*. London.
- Finley, M. I. (1970) *Early Greece: Bronze and Archaic Ages*. New York, London.
- Fränkel, (1999 [1921]) "The Interpretation of Individual Similes: (A) Elemental Force," *Homer. Critical Assessments. Vol. III. Literary Interpretation*. Edited by Irene J.F. de Jong. Translated from the German by C. Krojzl and S.R. van der Mije. London and New York, 301–321.
- Furmark, A. (1941) *The Chronology of Mycenaean Pottery*. Stockholm.
- Gagarin, M., Woodruff P., eds. (1995) *Early Greek Political Thought from Homer to the Sophists*. Cambridge.
- Graziosi, B. (2002) *Inventing Homer: The Early Reception of Epic*. Cambridge.
- Green, W. C. (1877) *The Similes of Homer's Iliad*. London.
- Guthrie, W. K. C. (1975) "The Religion and Mythology of the Greek," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 851–905.
- Hägg, R. (1983) *The Greek Renaissance of the Eighth Century B.C.: Tradition and Innovation*. Proceedings of the Second International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 1–5 June 1981. Stockholm.
- Hainsworth, B., ed. (1993) *The Iliad: a Commentary*. Vol. III: books 9–12. Cambridge.
- Hammond, N. G. L. (1975) "The literary traditions for the migrations," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 678–712.
- Hampl, F. (1962) "Die Ilias ist kein Geschichtsbuch," *Geschichte als Kritische Wissenschaft II*. Darmstadt, 51–99.
- Haubold, J. (2000) *Homer's People: Epic Poetry and Social Formation*. Cambridge.
- Heden, E. (1912) *Homerische Götterstudien. Inaugural-dissertation zur Erlangung der Doktorwürde*. Uppsala.
- Heubeck, A. (1961) *Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zur vorgriechisch-indogermanischen Substrat*. Erlagen.
- Janko, R. (1982) *Homer, Hesiod and the Hymns: Diachronic Development in Epic Diction*. Cambridge.

- Janko, R., ed. (1994) *The Iliad: a Commentary*. Vol. IV: books 13–16. Cambridge.
- Janko, R. (1996) "Thunder but no Clouds: the Genesis of the Homeric Text," *Didaskalia* 3.3. The performance of Homeric epic. <https://www.didaskalia.net/issues/vol3no3-/janko.html>
- Jensen, M. S. (2011) *Writing Homer. A Study based on Results from Modern Fieldwork*. Copenhagen.
- Johansen, K. F. (1967) *The Iliad in Early Greek Art*. Copenhagen. (Revised, updated and translated edition of *Iliaden i tidlig graesk Kunst*. Copenhagen, 1934).
- Kearns, E. (2004) "The Gods in the Homeric epic," *Cambridge Companion to Homer*, ed. by Robert Fowler. New York, 59–73.
- Kirk, G. S. (1975) "The Homeric poems as history," *The Cambridge Ancient History. Vol. II. Part. 2. History of the Middle East and the Aegean Region c. 1380–1000 B.C.* Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 820–850.
- Kirk, G. S., ed. (1990) *The Iliad: a Commentary*. Vol. II: Bks 5–8. Cambridge.
- Kullmann, W. (1960) *Die Quellen der Ilias*. Wiesbaden.
- Kullmann, W. (1984) "Oral Poetry Theory and Neoanalysis in Homeric Research," *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 25, 307–23 (= Kullmann W. (1992) *Homerische Motive: Beiträge zur Entstehung, Eigenart und Wirkung von Ilias und Odyssee*. Stuttgart, 140–55).
- Kullmann, W. (1985) "Gods and Men in the *Iliad* and the *Odyssey*," *Harvard Studies in Classical Philology* 89, 1–23.
- Kullmann, W. (2012) "The Relative Chronology of the Homeric Catalogue of Ships and of the Lists of Heroes and Cities within the Catalogue," *Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry*, ed. by Ø. Andersen and D. T. T. Haug. Cambridge, 210–223.
- Lee, D. J. N. (1964) *The Similes of the Iliad and the Odyssey Compared*. Melbourne.
- Lewartowsky, V. (1989) *The Decline of the Mycenaean Civilization*. Wrocław.
- Moulton, C. (1974) "Similes in the Iliad," *Hermes* 102.3, 381–397.
- Mylonas, G. E. (1964) "Priam's Troy and the date of its fall," *Hesperia* 33, 352–380. <https://www.ascsa.edu.gr/uploads/media/hesperia/147283.pdf>
- Mylonas, G. E. (1966) *Mycenae and the Mycenaean Age*. Princeton.
- Nägelsbach, C. F. von (1884) *Homerische Theologie*. 3 Aufl. Nürnberg.
- Nagy, G. (1992) "Homeric Questions," *Transactions of the American Philological Association* 122, 17–60.
- Nagy, G. (1996a) *Poetry as Performance. Homer and Beyond*. Cambridge.
- Nagy, G. (1996b) *Homeric Questions*. University of Texas Press.
- Nilsson, M. P. (1940) *Greek Popular Religion*. New York.
- Nylander, C. (1963) "The fall of Troy," *Antiquity* 27, 6–11.
- Page, D. (1958) *History and the Homeric Iliad*. Berkeley.
- Powell, B. B. (1991) *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge.
- Richards, I. A. (1965) *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford (= Richards I. A. (2002) *Selected Works 1919–1938*, ed. by J. Constable. Vol. VII. Routledge).
- Ridgeway, W. (1885) "The Homeric Land System," *The Journal of Hellenic Studies* 6, 319–339.

- Robert, C. (1921–1926) *Die griechische Heldensage*. Bd. 1–3. Berlin.
- Rose, H. J. (1962) “Religion,” *A companion to Homer*, ed. by A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. London, New York.
- Ruijgh, C. J. (1995) “D’Homère aux origins proto-mycéniennes de la tradition épique. Analyse dialectologique du langage homérique, avec un excursus sur la création de l’alphabet grec,” *Homeric Questions: Essays in Philology, Ancient History and Archeology including the papers of a conference organized by the Netherlands Institute at Athens (15 May 1993)*, ed. by J.-P. Crielaard. Amsterdam, 1–96.
- Scott, W. C. (1974) *The Oral Nature of the Homeric Simile*. Leiden.
- Scott, W. C. (2009) *The Artistry of the Homeric Simile*. Hanover (New Hampshire).
- Seaford, R. (2012) *Cosmology and the Polis*. Cambridge.
- Shapiro, H. A. (1989) *Art and Cult under the Tyrants in Athens*. Mainz.
- Shipp, G. P. (1972²) *Studies in the language of Homer*. Cambridge.
- Sidgwick, H. (1894) “The Trial Scene in Homer,” *Classical Review* 8, 1–3.
- Snodgrass, A. M. (1998) *Homer and Artists: Text and Picture in Early Greek Art*. Cambridge.
- Snodgrass, A. M. (2001² [1971]) *The Dark Age of Greece. An archeological survey of the eleventh to the eighth centuries BC*. New York.
- Strubbings, F. H. (1970) “The Aegean Bronze age,” *The Cambridge ancient history*. Vol. I.1: Prolegomena and prehistory. Ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge, 239–247.
- Strubbings, F. H. (1975) “Chronological tables,” *The Cambridge Ancient History*. Vol. II.2: History of the Middle East and the Aegean region c. 1380–1000 B.C., ed. by I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 1037–1045.
- Tsetskhladze, G. R. (2006) “Revisiting ancient Greek colonization,” *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*, ed. by G. R. Tsetskhladze. Leiden, vol. I, xxiii – lxxi.
- Van Der Valk, M. (1963–1964) *Researches on the Text and Scholia of the “Iliad”*. Vol. 1–2. Leyden.
- Vermeule, E. (1964) *Greek in the Bronze Age*. Chicago.
- Wood, M. (1998) *In search of the Trojan War*. New York.
- Webster, T.B.L. (1958) *From Mycenae to Homer*. London.
- Ziolkowski, J., Farber, R. and Sullivan D. (2015) *Homeric Similes: A Searchable, Interactive Database*. <https://www2.gwu.edu/~homersimiles>

In Russian:

- Bonic, G. (1878) *O proiskhozhdenii gomerovskih poem*. Per. A. Mejera. Odessa.
- Borhes, H. L. (1997) *Sochineniya v trekh tomah*. 2 izd.; sost. B. Dubina. Moskva.
- Burkert, V. (2004) *Grecheskaya religiya: Arhaika i klassika*. Perevod s nem. M. Vitkovskoj i V. Vitkovskogo. Sankt-Peterburg.
- Gegel', G.V.F. (1993) *Lekcii po istorii filosofii*, kn.1. Sankt-Peterburg.
- Gindin, L. A., Cymburskij V. L. (1996) *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya*. Moskva.
- Gordeziani, R. V. (1978) *Problemy gomerovskogo eposa*. Tbilisi.

- Grant, M. (1998) *Grecheskij mir v doklassicheskuju epohu*. Per. T. Azarkovich. Moskva.
- Dodds, E. R. (2000) *Greki i irracional'noe*. Per. M. L. Hor'kova. Moskva.
- Zajtsev, A. I. (1990) «Drevnegrecheskij geroicheskiy epos i «Iliada» Gomera», *Gomer. Iliada*. Leningrad, 395–416.
- Jeger, V. (2001) *Paideia. Vospitanie antichnogo greka*. Perevod A. I. Lyubzhina. T. 1. Moskva.
- Lapteva, M. YU. (2009) *U istokov drevnegrecheskoj civilizacii: Ioniya XI–VI vv. do n.e.* Sankt-Peterburg.
- Lord, A. (1994) *Skazitel'*. Per. Yu.A. Klejnera i G.A. Levintona. Moskva.
- Losev, A. F. (1960) *Gomer*. Moskva.
- Nad', G. (2002) *Grecheskaya mifologiya i poetika*. Per. N. P. Grincera. Moskva.
- Nemirovskij, A. A. (2003) «Datirovka Troyanskoj vojny v antichnoj tradicii: k legendarnoj hronologii «geroicheskogo veka» Ellady», *Studia historica*. Vol. 3. Moskva, 3–18.
- Nicshe, F. (2012) *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomah*. T. 1/1: Rozhdenie tragedii. Iz naslediya 1869 – 1873 gg. Moskva.
- Otto, V. (2019) *Grecheskie bogi. Kartina bozhestvennogo v zerkale grecheskogo duha*. Per. O. S. Rakityanskoj. Sankt-Peterburg.
- Surikov, I. E. (2017) «Molchat grobnicy»? *Arheologiya antichnoj Grecii*. Moskva.
- Tronskij, I. M. (1973) *Voprosy yazykovogo razvitiya v antichnom obshchestve*. Le-ningrad.
- Frejdenberg, O. M. (1946) «Proiskhozhdenie epicheskogo sravneniya (na materia-le Iliady)», *Trudy jubilejnoj nauchnoj sessii LGU. Sekciya filol. nauk*. Leningrad, 101–113.
- Shevtsov, S. P. (2014) *Metamorfozy prava. Pravo i pravovaya tradiciya*. Moskva.